

въ подстрочномъ примѣчаніи авторъ приводитъ латинскій отрывокъ изъ письма Плинія. Для этого ему не было нужды обращаться къ изданію 1774 г., такъ какъ отрывокъ этотъ въ томъ же объемѣ и такъ же подъ строкой приведенъ у Китинга (54 стр.), а полностью 97 письмо помѣщено у Hardy 106—107 стр. Но авторъ хочетъ доказать свою самостоятельность и съ этою цѣлю подыскиваетъ и цитуетъ отрывокъ по худшему изданію. На стр. 51—52 авторъ подробно выписываетъ тѣ стр. изъ сочиненія Harnack'a Gemeindegottesdienst, на которыя онъ нашель ссылку у Китинга въ краткомъ примѣчаніи (3) къ стр. 55. Затѣмъ г. Соколовъ приводитъ слова Тертуліана изъ 2 гл. его Апологетики, разысканныя имъ опять таки по указанію Китинга (55 стр.). Всѣ эти операціи, произведенныя имъ въ рабской зависимости отъ Китинга, онъ заключаетъ словами: „такимъ образомъ, вопреки Китингу, Тертуліанъ подтверждаетъ принятое нами пониманіе перваго собранія христіанъ“. Прочитавши эти слова, можно подумать, что г. Соколову удалось сдѣлать Китингу на основаніи лучшаго изученія литературы и источниковъ совершенно неожиданныя возраженія.

§ 6—агапы у Минуція Феликса—начинается цитатой изъ апологіи Минуція Феликса, въ которой Китингъ видитъ намекъ на существованіе агапъ. Отъ Китинга г. Соколовъ переходитъ къ Батиффолю, рѣшительно отрицающему силу этого свидѣтельства, чтобы разбить его въ пухъ и прахъ при помощи аргументаціи его оппонента—Фупка. Однако статья Фупка процитована лишь въ самомъ концѣ параграфа и такъ искусно, что кажется, будто изъ нея взята лишь одна мѣткая фраза.

§ 12—агапы по свидѣтельству Оригена—не менѣе ярко характеризуетъ трудъ г. Соколова. Въ началѣ параграфа авторъ цитуетъ 90 стр. книжки Китинга, но онъ воздерживается назвать тѣ страницы, которыя имѣютъ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ его диссертацией. Это стр. 93—94. И Китингъ и г. Соколовъ впереди всего ставятъ вопросъ, почему Климентъ Александрійскій говоритъ объ аганахъ много, а Оригенъ едва упоминаетъ о нихъ. На этотъ вопросъ Китингъ отвѣчаетъ: „это различіе, безъ сомнѣнія, объясняется неодинаковымъ характеромъ и цѣлью ихъ трудовъ“. И только. Далѣе начинаются домыслы г. Соколова. „Тогда какъ одинъ

писалъ для христіанъ—былъ писателемъ эсотерическаго направленія (это Климентъ), другой—Оригенъ—былъ писатель экзотерикъ,—назначалъ свой отвѣтъ Цельсу и вообще язычникамъ“ (стр. 113). Когда г. Соколовъ писалъ эти строки, онъ очевидно вовсе не думалъ о томъ, что и у Климента есть сочиненіе, съ которымъ онъ обращается къ язычникамъ, и у Оригена всѣ сочиненія, за исключеніемъ „Противъ Цельса“, предназначены для христіанъ и что, наконецъ, Оригенъ говоритъ объ аганахъ именно въ томъ сочиненіи, которое направлено противъ язычниковъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ анализу первой главы первой книги „Противъ Цельса“ и ставитъ очень точную цитату по изданію Миня. Въ дѣйствительности, хотя г. Соколовъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ это изданіе и подыскалъ нужную страницу, однако, безъ всякаго сомнѣнія, и не читалъ подлинника и не сравнивалъ его съ переводомъ Китинга. Это видно изъ того, что онъ излагаетъ Оригена совершенно неправильно. Онъ пишетъ: „въ началѣ своего трактата „Противъ Цельса“ Оригенъ, разбирая обвинительныя положенія Цельса, что христіане входятъ въ тайныя ассоціаціи, противныя законамъ, отвѣчаетъ на него очень подробно. По его словамъ (Оригена), существуютъ одни союзы—открытые, которые формируются съ согласія и въ согласія съ закономъ, другіе—тайные, которые образуются нелегальнымъ образомъ съ точки зрѣнія существующихъ узаконеній и которые, однако, продолжаютъ жить спокойно“. Въ дѣйствительности то, что въ этихъ словахъ представляется отвѣтомъ Оригена, принадлежитъ Цельсу. Не Оригенъ говоритъ о законныхъ и незаконныхъ обществахъ, а Цельсъ въ передачѣ Оригена. Возраженія послѣдняго начинаются далѣе. Это мѣсто буквально читается такъ: „Цельсъ, прежде всего желая оклеветать христіанство въ томъ, что христіане тайно составляютъ между собою общества, запрещенныя законами, выставляетъ то главное положеніе, что только общества, составленныя явно, законны, а составляемая тайно противозаконны. Въ данномъ случаѣ онъ хочетъ набросить тѣнь подозрѣнія на, такъ называемую у христіанъ, вечерю любви, будто бы учрежденную въ ущербъ общественной безопасности и имѣющую значеніе таинствъ“.

§ 15 изобилуетъ подстрочными примѣчаніями, и можно по-

думать, что авторъ здѣсь не мало потрудился надъ собираніемъ и сопоставленіемъ остатковъ древней литературы церковныхъ уставовъ. Но при ближайшемъ знакомствѣ оказывается, что и въ настоящемъ случаѣ онъ изучалъ не столько эту литературу, сколько Китинга. Послѣдній далъ ему и внѣшнюю форму группировки матеріала въ видѣ параллельныхъ столбцовъ и самые матеріалы. Лѣвому столбцу 125 стр. соотвѣтствуетъ стр. 114 Китинга, правому—стр. 125—130. Прочіе матеріалы г. Соколова мы также находимъ у Китинга. Справ. Сок. стр. 127—133 Каноны Ипполита—Кит. 111—114 стр. Testam. Domin. n. Iesu Christi Кит. стр. 123—124, фрагменты египетскихъ канонівъ—Кит. стр. 111—114; постановленія Егип. Ц.—Кит. стр. 119—121; Сок. стр. 143—144 выдержки изъ Didascalia и Апост. Пост. Кит. стр. 136—137.

§ 16 (стр. 147—155) въ общемъ составленъ по Китингу. Тѣ же факты, тѣ же отрывки изъ патристической литературы. Слова Константина Великаго отысканы авторомъ по указанію 2 прим. 156 стр. Китинга, свѣдѣнія о постановленіи Гангрскаго собора взяты съ 146 стр. Китинга. Такія же параллели можно указать между слѣдующими страницами двухъ сравниваемыхъ сочиненій: Сок. 149=Кит. 144—145; Сок. 150=Кит. 151—152; Сок. 151=Кит. 154, 147—148; Сок. 152=Кит. 148—149; Сок. 153=Кит. 150—151; Сок. 153 прим. 1=Кит. 149 прим.; Сок. 154=Кит. 152—153. Самостоятельность автора выразилась здѣсь въ слѣдующемъ. а) Онъ подыскалъ цитаты, найденныя имъ въ книгѣ Китинга, и отчасти привелъ болѣе обширныя выписки изъ источниковъ; б) расположилъ источники въ другомъ порядкѣ; в) бѣглую замѣтку Китинга объ упадкѣ христіанскихъ нравовъ послѣ Константина, дурно отразившемся на агапахъ, онъ иллюстрировалъ нѣсколькими фактами, заимствованными изъ сочиненія Буассье „Паденіе язычества“; д) изъ письма имп. Юліана къ Арзакію Китингъ выводитъ заключеніе о вредѣ агапъ. Г. Соколовъ, удерживая это мнѣніе, дѣлаетъ и противоположный выводъ—о пользѣ агапъ для распространенія христіанства.

Глава II сочиненія г. Соколова ставитъ своею задачею—выяснить вопросъ о происхожденіи агапъ, объ ихъ отношеніи къ среднимъ явленіямъ въ бытовой жизни грековъ и римлянъ. Китингъ, какъ было сказано, говоритъ объ этихъ

аналогіяхъ во введеніи. Г. Соколовъ расширилъ это введеніе въ цѣлую главу, обнимающую 47 страницъ, и далъ ему другое мѣсто въ своей книгѣ. Несмотря однако на то, что по количеству страницъ эта глава во много разъ превосходитъ введеніе Китинга, по своему содержанію, если изъ нея исключить совершенно ненужныя подробности, она не даетъ намъ ничего новаго сравнительно съ изслѣдованіемъ Китинга. Способъ работы автора въ этой главѣ обнаруживается, пожалуй, съ еще большей ясностью, чѣмъ въ предъидущей. То, о чемъ Китингъ упоминаетъ кратко, отсылая читателя, желающаго ближе познакомиться съ предметомъ, къ специальной литературѣ, г. Соколовъ рассказываетъ подробно на основаніи книгъ, указанныхъ у Китинга. У послѣдняго на стр. 9 онъ нашелъ ссылку на книгу Liebbart'a, *Das griechische Vereinswesen*, просмотрѣлъ ее и изложилъ въ § 1 на стр. 162—171. Въ этомъ параграфѣ г. Соколовъ совершенно правильно помѣщаетъ цитаты изъ *Corpus inscriptionum Atticarum*, заимствованныя въ книгѣ, по которой онъ излагаетъ этотъ отдѣлъ, въ самомъ текстѣ. Для читателя ясно, что не самъ г. Соколовъ изучалъ надписи. Но зато въ подстрочникѣ приходилось на протяжении 8 страницъ ссылаться все на одну и ту же книгу. Въ слѣдующемъ, 2 параграфѣ (стр. 171—174) авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о римскихъ коллегіяхъ по книгамъ Liebenam'a (*Zur Geschichte und Organisation des römischen Vereinswesens*) и Буасье (Римская религія отъ Августа до Антониновъ). Объ этихъ книгахъ онъ узнаетъ тоже изъ Китинга. Но очевидно г. Соколову показалось неудобнымъ снова цитировать въ подстрочникахъ только эти двѣ книги. Желая блеснуть предъ читателемъ своей эрудиціей, онъ дѣлаетъ ссылки на надписи и прочіе документы, съ которыми онъ непосредственно незнакомъ. На стр. 171 прим. 4, 5, 9 взяты у Либенама, на стран. 172 прим. 1 у него же (стр. 3), прим. 2 у Китинга (стр. 180, прим. 1); прим. 5 у Китинга (стр. 10, 1); стр. 173 прим. 1 у Liebenam'a (стр. 185); на стр. 174 прим. 2 и 3 у Liebenam'a (стр. 7); стр. 175 прим. 1 и 2 изъ книги Буасье, Римская р—ія (стр. 558); прим. 5 и 6 изъ Фюстель де Куланжа (стр. 36); на стр. 176 прим. 2 и 3 у Liebenam'a (стр. 28); на стр. 179 прим. у Китинга стр. 14 прим.

§ 3. Здѣсь г. Соколовъ рѣшаетъ вопросъ овліяніи на цер-

ковный бытъ тѣхъ пировъ, которые отъ времени до времени устраивали члены греко-римскихъ коллегій. Этотъ параграфъ составленъ также по Китингу, но авторъ употребилъ не мало ухищреній, чтобы это не такъ бросалось въ глаза читателю. Какъ и Китингъ, онъ связываетъ доказательство независимости агапъ съ критикой противоположнаго мнѣнія, высказаннаго Ренаномъ. Съ этимъ мнѣніемъ авторъ познакомился по указанію Китинга. Но послѣдній цитуетъ Ренана по французскому подлиннику. Г. Соколовъ ссылается на то же мѣсто, но цитуетъ его по нѣмецкому переводу. Г. Соколовъ удовлетворительно переводитъ съ французскаго, но съ трудомъ понимаетъ нѣмецкую рѣчь. Зачѣмъ же было обращаться отъ доступнаго подлинника къ недоступному переводу? Очевидно затѣмъ, чтобы показать, будто авторъ изучалъ Ренана независимо отъ Китинга по совершенно другому изданію и совпалъ съ своимъ руководителемъ совершенно случайно. Въ критикѣ мнѣнія Ренана авторъ также стоитъ въ зависимости отъ Китинга. Ренанъ опирается на *réquis évangéliques*, согласно которому въ составъ коллегіи допускались лишь тѣ, которые признавались „святыми, благочестивыми, добрыми“. Китингъ, возражая Ренану, пользуется комментариемъ этой надписи у Фукара (Foucart. *Associations religieuses*, стр. 146—77. Ср. Кит. 6—7), и, конечно, цитуетъ это изслѣдованіе. Нашему автору посчастливилось найти болѣе подробное изложеніе аргументаціи Фукара въ другой книгѣ—Cheetham. *The Mysteries pagan and christian*. Такимъ образомъ представилась возможность и удлинить на нѣсколько строкъ свою диссертацию и симулировать свою независимость отъ Китинга. Г. Соколовъ приводит *in extenso* свою находку, цитуетъ уже не Китинга, и не Фукара, а Cheetham'a, и съ черной неблагодарностью къ своему руководителю прибавляетъ „ср. матеріально и почти буквально зависимаго Китинга р. 6—7 pp.“ Далѣе Китингъ противопоставляетъ Ренану авторитетъ Буасье, „старательно изучившаго всѣ надписи, касающіяся римскихъ ассоціацій“. Ту же самую цитату изъ сочиненія Буасье „Римская религія“, съ тою же характеристикой этого изслѣдователя, но уже въ видѣ обширной буквальной выписки, мы находимъ и на страницахъ разбираемой диссертации (ср. 184—185 Кит. 14—15). Кромѣ того, цитаты изъ Либенама, Моммсена и Плинія въ

прим. I къ стр. 184 перенесены сюда изъ 3 прим. къ 12 стр. книги Китинга, а длинный перечень надписей, будто бы прочтенныхъ авторомъ, во 2-мъ прим. къ стр. 183 взять изъ 3 прим. къ стр. 182 изслѣдованія Либенама. Вслѣдствіе чисто механическаго характера работы въ этомъ параграфѣ, какъ впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, замѣчается несогласованность. На стр. 183, желая доказать, что ассоціаціи вовсе не отличалась тѣмъ высокимъ моральнымъ характеромъ, который имъ желаютъ приписывать нѣкоторые писатели, г. Соколовъ пишетъ: „въ коллегіяхъ не было полного равенства: должностныя лица составляли собою противоположное сословіе остальнымъ членамъ, которые собирательно назывались *plebs collegii*“, а на слѣдующей страницѣ, въ отрывкѣ изъ сочиненія Буасье, приводимомъ съ полнымъ одобреніемъ, читаемъ: „мы уже указывали на господствующее въ нихъ (ассоціаціяхъ) равенство, что можно назвать большимъ преимуществомъ; мало того, не слѣдуетъ думать, чтобы оно ограничилось дверями школы; дѣйствіе его распространялось и далѣе. Съ бѣдными рабами, привыкшими къ презрѣнію и оскорбленіямъ, обходились тамъ съ уваженіемъ“ (184—185).

Въ основѣ 4 § (стр. 186—191) лежатъ стр. 32—35 книжки Китинга; но и здѣсь авторъ потратилъ достаточно изобрѣтательности, чтобы затушевать свою зависимость отъ первоисточника. Рѣчь идетъ о религіозныхъ трапезахъ саддукеевъ и фарисеевъ. Китингъ, какъ всегда, немногословенъ. Высказавъ въ двухъ-трехъ словахъ свою мысль, онъ дѣлаетъ глухую ссылку на талмудъ, а желающихъ ознакомиться съ предметомъ подробнѣе отсылаетъ къ изслѣдованію Ederseim'a (*The life and times of Jesus the Messiah*). Соотвѣтственно принятому масштабу, для г. Соколова необходимо было поговорить побольше объ іудейскихъ обычаяхъ, связанныхъ съ совершеніемъ религіозныхъ трапезъ. По указанію Китинга, онъ обращается къ изслѣдованію Edersheim'a и по этому капитальному труду рассказываетъ много любопытнаго, хотя можетъ быть и лишняго, о вечерахъ фарисеевъ. Но какъ сообщить всему этому видимость самостоятельныхъ изысканій? Находчивость, свойственная г. Соколову, не оставила его и на этотъ разъ. Онъ рѣшилъ, излагая все по Эдерстейму, цитовать талмудъ по русскому переводу Пе-

реферковича. Что авторъ переводилъ съ англійскаго и вовсе не изучалъ талмуда, хотя бы и въ русскомъ переводѣ, въ этомъ очень легко убѣдиться. По странной неосмотрительности въ цитатѣ, будто бы извлеченной изъ изданія Переферковича, онъ забываетъ два англійскихъ слова, поясняющихъ переводъ. Это, разумѣется, совершенно неумѣстно, такъ какъ Переферковичъ переводитъ талмудъ не съ англійскаго. („Отличительной чертой праздничной трапезы на ряду съ благословеніемъ было возлежаніе за столомъ (*reclined*). При простомъ вкушеніи, когда обѣдающіе садились (*sat*) и благословеніе не произносилось“ стр. 184). Правда, г. Соколовъ въ настоящемъ параграфѣ дѣлаетъ два осторожныхъ упоминанія объ Эдерсгеймѣ, но такъ, что на первый планъ все же выдвигается талмудъ.

Въ § 5, въ отдѣлѣ, касающемся ессеевъ, г. Соколовъ приводитъ отрывокъ изъ сочиненія Филона *Quod omnis probus liber*. Вслѣдъ за нимъ онъ прибавляетъ: „Евсевій Кесарійскій, приводя и ссылаясь на этотъ фрагментъ сочиненія Филона, продолжаетъ его описаніе такъ“. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту сдѣлана ссылка на *Graer. Evang. VIII, 11—12*. Изъ этого видно, что отрывокъ изъ *Quod omnis probus liber* взятъ просто у Китинга. Если бы авторъ заглянулъ въ процитованныя главы сочиненія Евсевія, то убѣдился бы, что въ 11 гл. VIII книги содержится фрагментъ изъ утраченной апологіи Филона, а въ 12-й не содержится именно того отрывка изъ сочиненія *Quod omnis probus liber*, который имъ заимствованъ у Китинга и приведенъ на стр. 191—192. Наскоро взявъ у Китинга выдержку изъ Филона и ссылку на *Graer. Evang.*, г. Соколовъ вообразилъ, что сочиненіе Филона *Quod omnis probus liber* потеряно и сохранилось только въ видѣ фрагментовъ у Евсевія.

О религіозныхъ трапезахъ у древнихъ евреевъ Китингъ говоритъ въ своемъ введеніи на стр. 20—22. Свѣдѣнія о нихъ онъ заимствовалъ изъ сочиненія *Robertson'a—Smith'a, Lectures of the religion of the Semites*, которое здѣсь и указано. Г. Соколовъ въ § 8 стр. 206—208 довольно точно воспроизводитъ Китинга, прибавляетъ къ этому кое-что изъ *Robertson'a* и цитуетъ уже или Библию или *Robertson'a*, у котораго онъ подыскалъ соотвѣтствующія страницы.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно. Справедливость тре-

буетъ сказать, что не всё параграфы г. Соколова имѣютъ такое непосредственное отношеніе къ книгѣ Китинга. Независимо отъ нея составленъ 2-й параграфъ и часть 9-го параграфа первой главы, часть третьей главы и небольшая (246—256 стр.) четвертая глава. Конечно, многочисленныя ссылки автора на надписи, дигесты, Тацита, Светонія, Діона Кассія, Тита Ливія, Апулея и здѣсь взяты изъ вторыхъ рукъ, но все же эти отдѣлы не представляютъ такой школьной компиляціи, какъ тѣ, о которыхъ рѣчь была выше.

Изъ всего сказаннаго можно слѣдующіе выводы. Г. Соколовъ тщательно изучалъ не вопросъ объ агапахъ, а книгу Китинга о нихъ. Это изслѣдованіе постоянно находилось предъ его глазами, служило какъ бы подробнымъ конспектомъ или канвою для его собственнаго сочиненія. Оно опредѣляетъ все содержаніе этого послѣдняго: источники, литература, постановка вопросовъ, критика—все, если не прямо взято отсюда, то навѣяно этой книгой.

Источниковъ, т. е. древне-церковной литературы, авторъ не изучалъ. Нѣтъ слѣдовъ, которые позволяли бы заключить, что онъ самостоятельно искалъ свидѣтельствъ объ агапахъ, хотя бы по указателямъ къ святоотеческимъ твореніямъ. О томъ, что у извѣстнаго писателя есть такое свидѣтельство и гдѣ въ его трудахъ оно находится, онъ узнавалъ главнымъ образомъ изъ книги Китинга, рѣже изъ другихъ изслѣдованій. Въ лучшемъ случаѣ онъ подыскивалъ указанныя строки и страницы, въ худшемъ просто выписывалъ изъ пособій и ставилъ фальшивыя цитаты. Только небольшая 4-я глава составлена имъ, повидимому, на основаніи личнаго знакомства съ древними апологіями, да 80 стр. заставляють думать, что авторъ просматривалъ апокрифическіе Акты Апостоловъ.

Нельзя констатировать и большой начитанности въ церковно-исторической литературѣ. По большей части г. Соколовъ не читалъ полностью тѣхъ книгъ, на которыя ссылается. Онъ просматривалъ въ нихъ лишь немногія страницы, имѣющія непосредственное отношеніе къ его темѣ. Подыскать ихъ было не трудно по указанію пособій.

Принимая все это во вниманіе, я бы полагалъ, что не слѣдуетъ поощрять литературныхъ упражненій подобнаго рода присужденіемъ ученой степени магистра богословія“.

Справка: По § 110 лит. а. п. 16 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученяя степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Диссертацию кандидата Академіи выпуска 1906 года Петра Соколова признать недостаточною для степени магистра богословія и дѣло о соисканіи Соколовымъ сей степени считать прекращеннымъ.

IV. Отношеніе Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 9 іюля с/г. за № 20252:

„Въ дополненіе къ отношенію Преосвященнаго Владиміра, Митрополита Московскаго, отъ 31 Октября 1909 г. за № 485, по ходатайству Совѣта Московской дух. академіи—1) объ увеличеніи ассигнуемой нынѣ на содержаніе бібліотеки Московской дух. академіи суммы, съ 2500 р. до 5000 р. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы часть ея шла на наемъ отдѣльнаго писца; 2) объ ежегодномъ отпускѣ изъ суммъ Св. Синода 1000 р. на расходы по составленію и печатанію систематическаго каталога книгъ академической бібліотеки, и 3) объ учрежденіи при академіи должности второго помощника бібліотекаря,—Хозяйственное Управленіе покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московской духовной академіи сообщить Управленію, по какому разсчету испрашивается Совѣтомъ академіи дополнительное ежегодное ассигнованіе, въ размѣрѣ 2500 р., на содержаніе бібліотеки и 1000 р. на расходы по составленію и печатанію каталога книгъ академической бібліотеки, а равно—съ какимъ вознагражденіемъ предполагается Совѣтомъ Академіи второй помощникъ бібліотекаря.

Къ сему Хозяйственное Управленіе долгомъ считаетъ при-
совокупить что учрежденіе штатной должности второго помощника бібліотекаря въ настоящее время затруднительно“.

Опредѣлили: Возбужденные Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ вопросы передать на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе *бібліотечной комисіи*.

V. Письмо Потомственнаго Почетнаго Гражданина Николая Васильевича *Бахрушина*, отъ 4 сентября с/г.:

„Симъ имѣю честь увѣдомить Совѣтъ Академіи, что от-

ношеніе Ваше отъ 15 Февраля с/г. за № 57, съ приложеніемъ копіи указа Святѣйшаго Синода, отъ 9—23 Января с/г. за № 87, объ утвержденіи Положенія о стипендіи имени покойнаго родителя моего—Почетнаго Гражданина города Москвы Василія Алексѣевича Бахрушина при Московской Духовной Академіи и копіи самаго Положенія, я получилъ. Принося Вамъ мои извиненія за промедленіе въ отвѣтъ, довожу до свѣдѣнія Вашего, что въ память матери моей, скончавшейся 17 Іюня с/г., я бы желалъ увеличить завѣщанный на стипендіи покойнымъ отцомъ моимъ капиталъ до размѣра, необходимаго для немедленнаго открытія второй стипендіи, на что удачная редакція § 4 Положенія даетъ мнѣ полное право. При томъ было бы желательно, чтобы имена покойныхъ родителей моихъ поминались въ Академической церкви за упокой—Василія: 1) 19 Февраля (день рожденія), 28 Февраля (день ангела) и 29-го Октября (день смерти); Вѣры—1) 8-го Іюля (день рожденія), 2) 17-го Сентября (день ангела), 3) 17-го Іюня (день смерти). Въ виду изложеннаго покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи сообщить мнѣ точный размѣръ недостающей суммы, принимая во вниманіе внесенный уже капиталъ съ наросшими на него и неизрасходованными процентами и считая, что общая сумма стипендіальнаго капитала для открытія двухъ стипендій должна приблизительно равняться двѣнадцати тысячамъ пятистамъ рублямъ (Р. 12500). Я бы полагалъ внести недостающую сумму въ 5⁰/₀ облигаціяхъ Р. Государственнаго займа 1906 г. По полученіи Вашего отвѣта съ точнымъ расчетомъ означенной суммы, таковая могла бы быть передана въ самомъ непродолжительномъ времени уполномоченному на то Совѣтомъ Академіи лицу въ амбарѣ Товарищества А. Бахрушина С-ья, находящемся на Варваркѣ въ Старомъ Гостинномъ Дворѣ.

Затѣмъ, имѣя частнымъ образомъ свѣдѣнія о томъ, что стипендія имени покойнаго отца моего В. А. Бахрушина, предоставленная Валентину Протопопову, за смертью его нынѣ свободна, имѣю честь просить Совѣтъ Академіи прислать мнѣ о томъ официальное увѣдомленіе въ виду предоставленнаго мнѣ покойнымъ учредителемъ стипендій права замѣщать ихъ.

Кандидатами для замѣщенія какъ существующей уже,

такъ и вновь открываемой стипендіи предварительно заявляю слѣдующихъ лицъ: 1) Сергѣй Постниковъ, выдержавшій текущей осенью вступительный въ академію экзамень, старшій сынъ священника города Кашина Тверской губерніи Николая Постникова; у отца девять человѣкъ дѣтей, дохода получаетъ всего 1000 рублей. 2) Андрей Семеновъ, студентъ перваго курса Московской Духовной Академіи. 3) Степанъ Писовъ, студентъ третьяго курса Московской Духовной Академіи. 4) Иванъ Бавресюкъ, студентъ четвертаго курса Московской Духовной Академіи; заявля означенныхъ четырехъ кандидатовъ, считаю долгомъ поставить на видъ, что ни одинъ изъ нихъ мнѣ лично незнакомъ. За перваго, третьяго и четвертаго меня просили извѣстныя мнѣ лица, а второй прислалъ прошеніе по почтѣ. Потому, не имѣя возможности опредѣлить, кто изъ нихъ болѣе достоинъ получить стипендію—предоставляю это Совѣту Академіи, обращая его вниманіе на § 3-й Положенія, которымъ почему-то стипендіи предоставляются только студентамъ перваго курса“.

Справка: 1) О смерти стипендіата имени В. А. Бахрушина—студента I курса Академіи Валентина *Протопопова*—Г. Потомственному Почетному Гражданину Николаю Васильевичу Бахрушину сообщено было, съ просьбою указать другого кандидата на стипендію, отношеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи отъ того же 4 сентября за № 432-мъ; вышеизложенное же письмо г. Бахрушина получено было въ Академіи 7-го сентября.—2) Утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ Положенія о стипендіи имени Почетнаго Гражданина города Москвы Василя Алексѣевича Бахрушина § 4: „За вычетомъ изъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала (423 р. 90 к.) суммы, обезпечивающей полное содержаніе стипендіата въ академическомъ общежитіи (въ настоящее время: на I курсѣ—350 рублей, на II, III и IV курсахъ—по 300 рублей въ годъ), остатокъ обращается въ процентныя бумаги, которыя и присоединяются къ основному капиталу для увеличенія его до размѣровъ, потребныхъ для учрежденія при Академіи *второй* стипендіи имени Почетнаго Гражданина города Москвы В. А. Бахрушина.—На тотъ же предметъ употребляются и пожертвованія г.г. наслѣдниковъ завѣщателя, если таковыя будутъ“.

Опредѣлили: Увѣдомить г. Потомственнаго Почетнаго Гражданина Н. В. Бахрушина, что—

1) Въ настоящее время стипендіальный капиталъ имени Почетнаго Гражданина г. Москвы В. А. Бахрушина состоитъ: а) изъ облигацій Государственнаго 5⁰/₀ займа 1906 года на номинальную сумму 8250 р. и б) свидѣтельствъ Государственной 4⁰/₀ ренты на номинальную сумму 300 р., каковыя процентныя бумаги приносятъ въ годъ дохода 423 р. 90 к.

2) Наличными деньгами въ распоряженіи Правленія Академіи имѣется: а) 24 р. 25 к. остатковъ отъ 1909 года и б) 123 р. 90 к. остатковъ отъ содержанія стипендіатовъ (покойнаго студента Протопопова и будущаго стипендіата) въ текущемъ 1910-мъ году, всего—148 р. 15 к.

3) На означенныя наличныя деньги Правленіе Академіи можетъ приобрести лишь одну 100-рублевую облигацію какого-либо 5⁰/₀ займа, имѣющую приносить дохода 5 рублей въ годъ, послѣ чего капиталъ увеличится до 8650 рублей (8350 р. 5⁰/₀-ными и 300 р. 4⁰/₀-ными бумагами) и будетъ приносить дохода 428 р. 90 к.

4) Такимъ образомъ для полнаго обезпеченія двухъ стипендіатовъ (на что, по настоящимъ условіямъ содержанія пансіонеровъ въ академическомъ общежитіи, требуется не менѣе 625 рублей въ годъ) стипендіальный капиталъ необходимо дополнить процентными бумагами, которыя приносили бы въ годъ чистаго дохода (625 р.—428 р. 90 к.) 196 р. 10 к.— Въ виду намѣренія жертвователя внести недостающую сумму 5⁰/₀-ными облигаціями Россійскаго Государственнаго займа 1906 года,—таковыхъ потребуется 21, по 187 р. 50 к. каждая, на номинальную сумму три тысячи девятьсотъ тридцать семь рублей 50 копѣекъ (3937 р. 50 к.), съ годичнымъ доходомъ въ размѣръ 196 р. 87 к.

5) Имя завѣщателя—Почетнаго Гражданина города Москвы Василя Алексѣевича Бахрушина—внесено было въ синодикъ академической церкви немедленно по полученіи извѣстія объ его щедромъ посмертномъ дарѣ Академіи; нынѣ внесено въ оный и имя почившей супруги его; поминаеніе ихъ въ указанные жертвователемъ дни будетъ совершаться неопустительно.

6) О поименованныхъ въ письмѣ кандидатахъ на стипендію имени В. А. Бахрушина сообщено комиссіи, которой

поручено Совѣтомъ предварительное разсмотрѣніе вопроса о распредѣленіи между студентами Академіи на 1910—1911 учебный годъ частныхъ стипендій.

VI. Заявленіе дѣйствительнаго студента Академіи выпуска текущаго 1910 года *Петра Уарова*, не обязаннаго службою за казенное содержаніе въ Семинаріи и Академіи, объ его желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству.

Опредѣлили: О заявленіи дѣйствительнаго студента Петра Уарова довести до свѣдѣнія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, съ препровожденіемъ въ Комитетъ и всѣхъ документовъ Уарова.

VII. а) Отзвыы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи выпуска текущаго 1910 года *Рождественскаго Евгенія* на тему: „Св. царица Теодора“.

1) Бывшаго и. д. доцента Академіи (нынѣ состоящаго за штатомъ) *Θ. М. Россейкина*:

„Среди историческихъ дѣятелей Византіи середины IX вѣка личность царицы Теодоры замѣтно теряется. Ее заслоняютъ и отодвигаютъ на второй планъ болѣе крупныя персонажи, среди которыхъ жить и дѣйствовать судила ей судьба. Императоръ Теофилъ, логоветъ Теокистъ и Варда, патріархи Іоаннъ Грамматикъ, Меѳодій, Игнатій и Фотій и, наконецъ, имп. Василій Македонянинъ—вотъ современники, на которыхъ сосредоточивается интересъ эпохи. Не удивительно, если историческія памятники, не только хроники, но и житійная литература, болѣе заняты судьбой и дѣяпіями указанныхъ лицъ и мало говорятъ о Теодорѣ даже тамъ, гдѣ ходъ событій выдвигаетъ ее на первое мѣсто. Между тѣмъ судьба Теодоры интересна и по своеобразію жизненныхъ положеній, чрезъ которыя суждено было ей пройти, и по той роли, какую ей пришлось сыграть въ исторіи восточной церкви. Дочь скромнаго нафлагонскаго турмарха, она становится императрицей блестящей Византіи; искренняя иконопочитательница—выходитъ замужъ за крутого иконоборца; по смерти мужа и за малолѣтствомъ сына оказывается главою государства и осуществляетъ религіозный переворотъ, равносильный полному крушенію политики ея мужа, под-

держивать которую она ему обѣщала предъ его смертью. Добросовѣстная правительница, она пренебрегаетъ священнѣйшими обязанностями матери и поручаетъ воспитаніе единственнаго сына и наслѣдника престола Вардѣ, близкому ей только по крови, но человѣку совершенно иныхъ стремленій, за что и несетъ суровое наказаніе, вынужденная уйти съ трона въ монастырскую келью. Примиреніе ея съ сыномъ состоялось, но слишкомъ поздно и какъ будто затѣмъ, чтобы усилить горе матери при скорой и безславной гибели сына, а вмѣстѣ съ нимъ и династии. Мало замѣтная при жизни, Теодора оставила однако за собою прочную память въ исторіи церкви, связавъ свое имя съ окончательнымъ возстановленіемъ иконопочитанія.

Предъ г. Рождественскимъ стояла задача собрать и сгруппировать сохранившійся довольно отрывочный матеріалъ, возможно ярче освѣтить затемненную фигуру императрицы, оживить ея характеръ и рассказать ея исторію, удѣливъ возможно больше вниманія крупнѣйшему церковно-историческому факту, падающему на ея жизнь,—возстановленію иконопочитанія. Заключеніемъ могла служить оцѣнка ея личности и ея исторической роли.—Для рѣшенія своей задачи г. Рождественскій сдѣлалъ многое; но не все, что хотѣлось-бы видѣть сдѣланнымъ.

Сочиненіе г. Рождественскаго состоитъ изъ введенія (стр. I—EIV) и четырехъ главъ (1—218). Введеніе посвящено обзору источниковъ и перечню пособій; 1-я глава сочиненія обнимаетъ жизнь Теодоры до смерти Теофила; 2-я излагаетъ политическую, въ частности военную дѣятельность императрицы; 3-я—церковную и 4-я—исторію борьбы съ Вардой, удаленія въ монастырь и послѣднихъ дней жизни Теодоры.

Обзоръ источниковъ, предпосланный сочиненію, не столько важенъ для читателя, сколько для самого автора, такъ какъ помогать ему нагляднѣе уяснить себѣ взаимоотношеніе и сравнительную цѣнность документовъ, подлежащихъ его изученію. Обзору подвергнуты два житія Теодоры и византійскія хроники, начиная съ Георгія Монаха и кончая Гликой. Для каждаго документа указанъ авторъ, если онъ извѣстенъ, время написанія и дана его краткая характеристика. Составленъ обзоръ для перваго житія, издавнаго въ 1891 г. В. Регели, по введенію издателя *Analecta byzantino—Russica* p.

III—XIX), для второго, изданнаго болландистами въ Acta ss. Febr. II—самостоятельно, для хроникъ — по книгамъ Гирша и Н. Попова. Можно, конечно, принять и такой обзоръ, особенно для хроникъ и второго житія, имѣющаго ничтожное значеніе. Но первому житію, которое авторъ вполне справедливо поставилъ на первое мѣсто, лучше было-бы удѣлить большее вниманіе. Этотъ памятникъ самый древній изъ всѣхъ, близко относящихся къ дѣлу, и уже по одному этому его показанія могутъ считаться авторитетными. Между тѣмъ въ немъ имѣются несомнѣнныя ошибки. Г. Рождественскому и слѣдовало подвергнуть памятникъ тщательному анализу, сопоставить его показанія съ показаніями болѣе позднихъ, но иногда болѣе точныхъ авторовъ и рѣшить, что въ житіи приемлемо и что должно быть оставлено въ сторонѣ. Тогда авторъ не былъ-бы вынужденъ въ своемъ изложеніи біографіи Феодоры приводить рядомъ два разныхъ, изъ житія и изъ хроникъ, рассказа объ одномъ и томъ-же событіи, не рѣшаясь сказать прямо, какой рассказъ достовѣрнѣе и почему (стр. 4—9; ср. 114—126). Анализъ житія не представлялъ большой трудности и даль-бы автору возможность проявить свою самостоятельность въ работѣ. Что касается обзора хроникъ, то при его составленіи слѣдовало чаще обращаться къ лучшему справочнику—Gesch. d. byzant. Litteratur Крумбахера. Объ этомъ изданіи авторъ знаетъ, но цитируетъ его лишь изъ вторыхъ рукъ. Встрѣчаются въ обзорѣ отдѣльныя неточности и пробѣлы. Для хроники Логовета не указанъ главный критическій трудъ В. Г. Васильевскаго; для хроники Зонары авторъ не знаетъ (стр. XXXVII) новаго бонискаго изданія (vol. III, 1897); за Генезіемъ признаетъ меньшее значеніе, чѣмъ опъ на самомъ дѣлѣ имѣетъ, и считаетъ его сыномъ Константина Армянина, тогда какъ правильнѣе считать внукомъ (XXI — XXII). Георгіи Амартолъ названъ первымъ по времени хронистомъ (стр. IV: можетъ быть, въ смыслѣ перваго изъ имѣющихся отношеніе къ эпохѣ Феодоры?). Наконецъ, не думаетъ-ли авторъ (XXII), что Константинъ Порфирогенитъ былъ сыномъ Василія Македонянина?—Перечень литературы можетъ быть нѣсколько пополненъ книгами Louis Brehier, Гергенрѣгера, Гефеле, Папарригопуло, Vogt'a и статьями *Περί τῆς ὀρθοδοξίας* въ *Εκκλ. Αλήθεια*, Ф. П. Успенскаго въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія и нѣк. др.

Добросовѣстно собравъ матеріалъ, г. Рождественскій связываетъ его въ біографію царицы Θεодоры. Размѣщенъ матеріалъ въ общемъ правильно и всюду подтвержденъ ссылками на источники. Но общее впечатлѣніе таково, что автору не вполне удалось выдвинуть Θεодору на первый планъ и заставить читателя на протяжении всего разсказа одинаково чувствовать, что авторъ заинтересованъ прежде всего личностью царицы. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что авторъ всюду остается подъ неослабѣвающимъ впечатлѣніемъ своихъ источниковъ.

О своемъ отношеніи къ собору 843 г. г. Рождественскій пишетъ: „Мы не будемъ подробно и послѣдовательно излагать исторію этого собора, что едва-ли даже возможно въ виду той разноголосицы, которая встрѣчается у греческихъ хронистовъ по вопросу о соборѣ. Остановимся только на тѣхъ фактахъ изъ исторіи этого собора и связанныхъ съ нимъ событіяхъ, съ которыми болѣе всего соединяется имя Θεодоры“ (139). Дѣйствительно, исторію собора возстановить трудно—не за разноголосицей хронистовъ, а за отсутствіемъ обстоятельныхъ свѣдѣній, такъ какъ мы не имѣемъ ни актовъ собора, ни простого описанія его дѣятельности. Но авторъ не долженъ былъ освобождать себя отъ труда собрать имѣющіяся показанія о соборѣ, такъ какъ послѣдній является крупнѣйшимъ фактомъ церковной жизни того времени. Если гдѣ, то именно здѣсь авторъ могъ на время оторвать свое вниманіе отъ личности императрицы и отдать его всецѣло теченію церковныхъ событіяхъ.

Наконецъ, въ заключеніи сочиненія мы не находимъ никакой оцѣнки личности Θεодоры и значенія ея дѣятельности.

Есть въ сочиненіи отдѣльныя мнѣнія, съ которыми нельзя согласиться. Въ 1 гл. авторъ не разъ подчеркиваетъ, что положеніе Θεодоры въ домѣ иконоборца Теофила грозило для нея серьезной опасностью въ случаѣ обнаруженія ея поклоненія иконамъ (43; 53 — 54). Думается, что эту опасность авторъ преувеличилъ. Едва-ли Теофиль не подозрѣвалъ подлиннаго отношенія жены къ иконамъ. Случай съ карликомъ Дендеромъ и съ малолѣтней Пульхеріей могли открыть ему глаза. Но Θεодора поплатилась только крупнымъ выговоромъ, а бабушка, повидимому, ничѣмъ. Правда,

драматизмъ въ положеніи Θεодоры былъ; но не тотъ внѣшній, на которомъ настаиваетъ г. Рождественскій, а внутренній, питавшійся различіемъ религіозныхъ убѣжденій между нею и мужемъ. Во 2 гл. (57) авторъ объясняетъ порожденіе извѣстныхъ сказаній о смерти Θεофила „желаніемъ какъ можно чудеснѣе представить событія, близкія по своей связи съ возстановленіемъ иконопочитанія“. Не въ стремленіи къ чудесному здѣсь дѣло, а въ необходимости примирить церковное сознаніе съ тѣмъ фактомъ, что соборъ 843 г., изъ вниманія къ просьбамъ и заслугамъ Θεодоры, далъ прощеніе гонителю иконъ Θεофилу. На стр. 76 недостаточно оцѣненъ фактъ отказа Мануила отъ предлагавшагося ему народомъ престола. Въ 4 гл. (166) авторъ называетъ константинопольскія церковныя партіи, существовавшія при Тарасіи, Никифорѣ и Мееодіи, фотіанами и игнатіанами, забывая, что „игнатіане“ и „фотіане“ не могли существовать раньше Игнатія и Фотія. Здѣсь-же г. Рождественскій совершенно напрасно заставляеть Θεодору съ первыхъ дней ея регентства вступать въ ряды партіи ригористовъ: во 1-хъ, борьба партіи при Мееодіи возникла значительно позднѣе; во 2-хъ, объ отношеніи Θεодоры къ этой борьбѣ ничего неизвѣстно; въ 3-хъ, самый фактъ избранія Мееодія на патріаршую кафедру говорилъ-бы противъ автора. Въ характеристикѣ игнатіанъ (167—8) не слѣдовало сгущать краски. На 180 стр. Варда названъ религіознымъ человѣкомъ, при чемъ сдѣлана ссылка на 14 стр. Житія. О религіозности Варды, котораго иногда иронически называютъ ничшеанцемъ IX в., едва-ли авторъ что-нибудь знаетъ, а 14 стр. Житія приведена имъ по недоразумѣнію: тамъ названъ „ревнителемъ православной вѣры“ Θεоктистъ, „котораго убилъ Варда“. На стр. 183 г. Рождественскій видитъ причину небрежности Θεодоры въ воспитаніи Михаила въ государственныхъ заботахъ, но не вполне исключаетъ возможность съ ея стороны и властолюбивыхъ расчетовъ на устраненіе неспособнаго сына отъ престола. Достаточно было остановиться на первомъ объясненіи, оставивъ въ сторонѣ второе, какъ не мирящееся съ общимъ представленіемъ автора о характерѣ Θεодоры.—Кошунства Михаила производились не по удаленіи Θεодоры въ монастырь, какъ думаетъ авторъ (187), а раньше, при ея жизни во дворцѣ.—Въ разсказѣ объ убійствѣ Θεоктиста (196).

нужно было дать мѣсто показаніямъ Генезія. — О заговорѣ на жизнь Варды авторъ говоритъ очень мало, какъ-бы неохотно (201—202); между тѣмъ этотъ фактъ имѣетъ крупное значеніе и для характеристики Теодоры, и для уясненія ея дальнѣйшей судьбы. Наоборотъ, что сказано объ участіи Теодоры въ движеніи Гевона (209) — сомнительно: требовалось полное отсутствіе такта и благоразумія, чтобы связать себя съ случайно возникшимъ движеніемъ, во главѣ котораго стоялъ полупомѣшанный человѣкъ.

Встрѣчаются въ сочиненіи мелкіе недочеты. Авторъ даетъ неточное толкованіе термину логоуетъ (стр. XVIII); высшій женскій придворный чинъ *πατρικία* или точнѣе *ἡ τῆς ζώστας πατρικίας ἀρχή* передаетъ словомъ патриціанка (16; 43); почему-то часто цитируетъ византійскихъ хронистовъ по латинскому переводу (XII; 28; 69). Образецъ неудачнаго перевода можно видѣть на стр. 202.

Перечисленные недочеты не отнимаютъ у сочиненія, г. Рождественскаго его достоинствъ: тщательнаго подбора матеріала, знакомства съ литературой и несомнѣннаго трудолюбія, съ какимъ авторъ преодолѣлъ трудности чтенія греческихъ и латинскихъ текстовъ. За свой трудъ г. Рождественскій степени кандидата богословія заслуживаетъ“.

2) Ординарнаго профессора А. А. Спасскаго:

„Разсмотрѣвъ сочиненіе Е. Рождественскаго, посвященное изученію жизни и дѣятельности св. Царицы Теодоры, знаменитой возстановительницы иконопочитанія, я съ своей стороны нахожу излишнимъ что-нибудь прибавлять къ той всесторонней и обстоятельной оцѣнкѣ его, какая сдѣлана въ отзывѣ о немъ Ѡ. М. Россейкина, и потому согласенъ съ нимъ какъ въ качественномъ опредѣленіи цѣнности труда Рождественскаго, такъ и относительно балльной его квалифікаціи“.

б) Отзывы о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи выпуска текущаго 1910 года *Рубинскаго Сергѣя* на тему: „Логика чистаго познанія и религіозная истина (Панметодизмъ Когена и критика его)“.

1) И. д. доцента Академіи П. А. Флоренскаго:

„Конецъ прошлаго и начало текущаго столѣтій ознаме-

нованы неслыханнымъ дотолѣ умноженіемъ и утонченіемъ средствъ опытнаго изслѣдованія. Благодаря развитію техники и капитализма „расширеніе области чувствъ“,—если воспользоваться словомъ физика Винера,—пошло необычайно ускореннымъ темпомъ. Но если въ физико-химическихъ изысканіяхъ наука перешагнула за границу матеріи и готова, вотъ-вотъ, перешагнуть и за предѣлы чувственнаго міра, то науки о духѣ, тоже на пути наблюденія и опыта, открываютъ дѣйственность духовнаго начала, его способность выходить за предѣлы чистой субъективности, дѣлаться силою направленною во внѣ и вступать въ сферу матеріальнаго міра. Однимъ словомъ, *опытное* изслѣдованіе оправдало себя всюду, куда только его ни пытались примѣнить. Опытъ фактически завладѣлъ полемъ науки и, конечно, не было недостатка въ теоретическомъ оправданіи этой побѣды. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ стало скрадываться различіе *цѣнности* явленій; понятіе *нормы* стало, какъ будто, терять свой смыслъ и право на существованіе: „истина“ сдѣлалась синонимомъ „выгоды“.

Но параллельно съ пріобрѣтеніемъ фактическихъ знаній росло и крѣпло иное направленіе знанія, ему противоположное, а именно изученіе *цѣнности*. Нашъ вѣкъ называли „вѣкомъ логическаго ренессанса“; а если сущность схоластики видѣть въ преобладаніи интересовъ къ формальному моменту науки,—къ обработкѣ понятій, къ стройности логическихъ дедукцій, къ методологіи—, то это, соперничающее съ эмпирикою направленіе, умѣстно назвать *возрожденіемъ схоластики*, хотя и далеко не въ томъ смыслѣ, въ какомъ называютъ возрожденіемъ схоластики официальную католическую философію нашихъ дней.

Можетъ показаться страннымъ, но, все же, то несомнѣнно, что неосхоластика имѣетъ своихъ первыхъ виновниковъ въ зачинателяхъ современной же эмпирики: разумью здѣсь Галилео Галилея и Исаака Ньютона. Ихъ идеи о сущности научнаго знанія, пройдя чрезъ критическую философію Канта и преобразованныя у него въ требованіе *открыть систему принциповъ науки*, получили сперва метафизическую окраску у великихъ идеалистовъ Германіи, а затѣмъ, когда раздался кличъ „назадъ къ Канту“, то снова вернулись на гносеологическую почву въ различныхъ вѣтвяхъ неокан-

тианства, важнѣйшими изъ которыхъ являются „телеологическій критицизмъ“ и „научный идеализмъ“.

Тутъ произошло скрещеніе со встрѣчнымъ потокомъ, идущимъ изъ математики. Концепціи математиковъ новаго и новѣйшаго времени, возникши по частнымъ поводамъ и въ специальныхъ дисциплинахъ, повели къ величественному замыслу перестроить и изложить всѣ „математики“ (les Mathématiques) какъ единое, планомѣрное цѣлое Математики (la Mathématique), логически развиваемое въ видѣ „гипотетико-дедуктивной системы“ изъ вполне строго-учитываемаго комплекса постулатовъ и опредѣленій. Это логическое направленіе математики, развиваемое въ работахъ Буля, обоихъ Грассмановъ, Шрёдера, Вейерштрасса, Кантора, Уайтхеда и др., завоевало себѣ господство и потребовало выработки специального алгоріема, извѣстнаго подъ,—не совсѣмъ равнозначущими,— названіями логистики, логического счисленія или алгебры логики, и усовершенствованнаго трудами италянской школы Пеано и затѣмъ работами Рёсселя.

Общимъ для обоихъ движеній, какъ неокантіанскаго, такъ и логистическаго, былъ протестъ противъ *психологизма*; рѣшительное исключеніе интуитивнаго момента изъ сферы научнаго строительства было тѣмъ требованіемъ, изъ котораго оба они исходили. Но положительная задача изысканій представлялась гораздо разнорѣчивѣе, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что единомышленники - протестанты смотрѣли другъ на друга не слишкомъ довѣрчиво: исторія исканія „чистой“ мысли полна взаимныхъ между мыслителями подозрѣній, изобличеній и обвиненій въ психологизмѣ. Если для Канта психологиченъ Юмъ, то самъ Кантъ заподозривается въ томъ же Риккертомъ. Въ свою очередь Риккертъ недостаточно „чистъ“ для Когена, а Когенъ—для Гуссерля. Наконецъ, логистики недовольны и Гуссерлемъ и, наперерывъ упрекая другъ друга въ контрабандной интуиціи, стараются придти къ послѣдней чистотѣ. Каковъ же конечный идеаль?—Вотъ какой: Наука образуется системою „включеній“, „импликацій“, посредствомъ которыхъ одни понятія и связи между понятіями приводятся къ другимъ понятіямъ и связямъ межъ ними. Первое, т. е. включеніе понятій, достигается чрезъ дефиницію, а второе, т. е. включеніе сужденій,—чрезъ дедукцію. Но, рано или поздно, рядъ дефиницій упи-

рается въ понятія уже не опредѣляемыя, точно такъ же, какъ рядъ дедукцій останавливается на сужденіяхъ далѣе не доказуемыхъ. Такихъ послѣднихъ основъ знанія въ настоящее время считается всего 29 (9 неопредѣлимыхъ понятій и 20 недоказуемыхъ принциповъ). Эти послѣднія, разъ ояѣ не должны быть въ связи съ интуиціей, съ „психологическимъ“ содержаніемъ, необходимо будутъ *пусты*; и именно въ силу того, что основныя понятія неопредѣлимы, а основныя сужденія недоказуемы, вкладываемое въ эти *пустыя* рамки логизма психологическое содержаніе можетъ быть *различнымъ*,—чтобы не сказать,—какимъ угодно: оно можетъ мѣняться *всячески*, и мы логически не въ состояніи регистрировать это измѣненіе, не въ состояніи даже примѣтить его. Отсюда, въ качествѣ послѣдняго слова логистики. получается парадоксальное, но совершенно правильное опредѣленіе математики (это опредѣленіе относится, впрочемъ, ко *всякой* логически строяемой дисциплинѣ), какъ такой науки, „гдѣ пикогда не знаютъ, о чѣмъ говорятъ, равно какъ и истинно ли то, что говорятъ“ (Рёссель).

Итакъ, на пути логической реконструкціи знанія, мысль приходитъ къ пустотѣ, подобно тому какъ на пути реконструкціи эмпирической она теряется въ хаосѣ. Тутъ оправдывается Кантовское: „понятія безъ интуиціи пусты, интуиціи безъ понятій—слѣпы“. Но т. к. философія сейчасъ не умѣетъ гармонически сочетать интуицію съ логикой, то отсюда для каждаго изъ обоихъ направленій оказывается необходимымъ самостоятельно уяснить себѣ, съ точки зрѣнія *своего* принципа, основные вопросы знанія. Главнымъ же изъ этихъ вопросовъ, доселѣ почти даже не подозрѣвавшимся въ теоріи познанія, является вопросъ о *догматѣ*, какъ о корнѣ интуицій (для эмпирическаго направленія) и какъ о послѣднемъ регулятивномъ принципѣ (для направленія логическаго). Иными словами, *догматъ*, какъ нижній предѣлъ („вещь въ себѣ“) интуицій и какъ верхній предѣлъ („идеаль“) логическихъ операций, какъ интуиція интуицій и какъ разумъ разумности, короче—какъ условіе существованія науки, предлежитъ доселѣ еще почти не начатому обслѣдованію теоріи познанія, какъ въ ея эмпирическомъ („психологическомъ“), такъ и въ ея логическомъ („гносеологическомъ“) направленіи.—Какъ устанавливается идея догмата въ системѣ „чистыхъ“ пере-

живаній? Какъ устанавливается эта идея въ системѣ „чистыхъ понятій“?—вотъ два основные вопроса, стоящіе на очереди,—два вопроса, внѣ рѣшенія которыхъ невозможно убѣжденіе въ дѣйствительности знанія и при обходѣ которыхъ теорія *познанія* необходимо обращается въ теорію *незнанія*.

Г. Рубинскому была предложена задача именно такого рода, хотя, конечно, и въ болѣе скромной постановкѣ. Вопросъ ставился, именно, такъ:

Взять систему принципозъ знанія въ томъ ея видѣ, какъ она устанавливается Германомъ *Когеномъ* въ его *Logik der reinen Erkenntniss*, образующей законченное въ себѣ и достаточно ярко выраженное цѣлое и имѣющей глубокіе историко-философскіе корни, слѣдовательно—не фантастичной (въдѣ фантастическія построенія—построенія неисторическія); изучить эту систему и затѣмъ рассмотреть соотношеніе ея съ идеей догмата. Иными словами, требовалось уяснить, что слѣдуетъ изъ идеи догмата для уразумѣнія системы принципозъ Когена и что изъ этой системы слѣдуетъ для уразумѣнія идеи догмата.

Само собою разумѣется, что предложенная задача—не изъ легкихъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ педагогическая максима Джемса Милля, примѣнявшаяся имъ постоянно къ сыну своему Джону Стюарту Миллю (—а именно, задавать работу нѣсколько превышающую силы воспитанника—), бываетъ плодотворной и создаетъ наиболѣе благоприятныя условія для развитія. Такъ—и въ данномъ случаѣ: серьезно поразмыслить надъ важными, хотя и трудными вопросами для г. Рубинскаго, по мнѣнію пишущаго, было полезнѣе, чѣмъ пробавляться легкими ненужностями.

Трудность предложенной темы, прежде всего,—въ самомъ изученіи „Логики“ Когена, требующей и напряженія умственныхъ силъ и специальныхъ знаній. Предметъ Когеновскаго рассмотрѣнія отвлеченъ, а задача, ставимая имъ себѣ въ „Логикѣ“—въ столь же серьезной мѣрѣ трудна (если не невозможна) для выполнения; поэтому, даже Когеновская діалектика, тонкая и острая, не смотря на весь свой блескъ, порою хромаетъ и дѣлается искусственной и невразумительной, или же переходитъ,—какъ выражается г. Рубинскій,—въ „діалектическую игру ума“. Разобраться въ ней, даже просто понять ее—не всегда легко.

Вторая трудность изученія Когена—въ его *культурности*, въ историческомъ богатствѣ его идей, вслѣдствіе чего многія сложныя понятія высказываются у него *между прочимъ*, и для уразумѣнія ихъ требуется знать изъ исторіи мысли, что имѣется въ виду въ данномъ мѣстѣ; въ особенности, сказанное относится къ основнымъ понятіямъ, — которыя вовсе не суть вмѣстѣ съ тѣмъ—и простѣйшія (вопреки предразсудку, идущему отъ Аристотеля и окончательно опровергнутому логистикой). Вдобавокъ къ этому, *историческій* методъ уясненія своихъ идей и неестественная, почти насильственная распланировка „Логики“ часто не даютъ Когену возможности достаточно опредѣленно формулировать свои тезисы, и безъ того „текущія“ въ діалектическомъ развитіи.

Но если и самое *изученіе* Когена (—а, тѣмъ болѣе, *изложеніе* его діалектики и передача его терминологіи—) затруднительно, то вопросъ о догматѣ, конечно, требуетъ не только нарочитой вдумчивости, но даже и нѣкотораго самостоятельнаго творчества. Все это, вмѣстѣ взятое, съ самаго начала заставляло пишущаго отзывъ видѣть въ данной г. Рубинскому формулировкѣ темы *не* заголовокъ того, что будетъ выполнено, а верхній *предѣлъ* тѣхъ стремленій, которыя онъ долженъ проявить: *полнаго* отвѣта на предложенный вопросъ рецензентъ отъ него и не ждалъ. Но кое что авторомъ „Логики чистаго познанія и религіозной истины“ все же сдѣлано. Что же именно?

Во-первыхъ, онъ перевелъ и внимательно изучилъ Введеніе, двѣ первыя главы и заключеніе книги Когена (главы, трактующія сужденія математическаго естествознанія и сужденія методики, за недостаткомъ времени и по ихъ сравнительно меньшему интересу для вопроса о догматѣ, онъ опустилъ). Во-вторыхъ, онъ рассмотрѣлъ Когеновскую литературу, —русскую— всю, а изъ нѣмецкой—работу Штаудингера въ 8-мъ томѣ Kantstudien. Въ третьихъ, онъ продумалъ, какъ могъ, гносеологическую структуру догмата и его мѣсто въ системѣ знанія. Результаты своего изученія и обдумыванія онъ изложилъ достаточно расчлененно и, въ общемъ,— отчетливо. Языкъ его чистый, правильный и точный; если же принять во вниманіе сухость предмета, то иногда—даже изящный. Во всякомъ случаѣ, грубыхъ промаховъ по части

языка у него не много. Заслуживаетъ безспорнаго одобренія его сознательность и осмотрительность въ терминологіи: г. Рубинскій не довольствуется подысканіемъ русскаго термина для передачи нѣмецкаго, но нерѣдко *мотивируетъ* свою передачу, или дѣлаетъ справки, какъ передается подобный терминъ переводчиками Канта, Риккерта и другихъ теоретиковъ познанія; иногда онъ старается уяснить и происхождение передаваемаго термина. Заслуживаетъ похвалы способъ изложенія: г. Рубинскій не копируетъ изучаемаго матеріала, выписывая, по излюбленному приему иныхъ авторовъ, длинныя мѣста, и не избавляетъ себя такимъ путемъ отъ труда продумыванія изучаемаго автора и отъ отвѣтственности за изложеніе его, а старается выразить каждый разъ, по мѣрѣ своего пониманія, *суть* дѣла, и даже иногда даетъ поясненія къ не совсѣмъ яснымъ идеямъ Когена. Порою въ сочиненіи его встрѣчаются недоумѣнные вопросы, высказываются критическія замѣчанія; можно найдти тутъ и изобличенія Когена въ психологизмъ, и указанія на Когеновскія самопротиворѣчія. Однимъ словомъ, г. Рубинскій несомнѣнно старался отнестись къ дѣлу изученія самостоятельно. И, если не всегда съ нимъ можно быть согласнымъ (—какъ не всегда можно быть согласнымъ и съ Когеномъ—), то это объясняется, главнымъ образомъ, недостаткомъ специальныхъ знаній такого рода (по логистикѣ, напримѣръ), какихъ было бы несправедливо *требовать* отъ кандидата богословія.

Сочиненіе г. Рубинскаго дѣлится на *пять* главъ,—изъ которыхъ *три* среднія образуютъ основное ядро и посвящены изложенію и, отчасти, попутной критикѣ взглядовъ Когена.

Глава *первая*—„вводная“. Тутъ дается общая характеристика неокантіанства, какъ теченія, которое стремится *понять* Канта и тѣмъ самымъ *выйдти за* Канта. При этомъ указывается соотношеніе наиболѣе вліятельныхъ теченій критицизма (марбургская школа и телеологическій критицизмъ или Виндельбандо-Риккертовское направленіе), перечисляются ихъ представители и главнѣйшіе труды cadaго изъ нихъ. Далѣе, обозрѣваются труды самого Г. Когена въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ уясняется, что Когенъ прошелъ три фазы въ своемъ философскомъ развитіи. Изъ разсмотрѣнія этихъ фазъ устанавливается значеніе Канта для Когена, какъ „краеугольнаго камня“ (Eckstein) всего Когеновска-

го философствованія, и вмѣстѣ, опредѣляются другіе „гласные“ и „негласные“ руководители Когена (Платонъ, Ньютонъ; затѣмъ, въ меньшей мѣрѣ, Декартъ, Лейбницъ, Гегель и др.). Глава первая заканчивается указаніями касательно мѣста Когена и его положенія среди современныхъ философовъ и занимающихся философійей.

Глава *вторая* представляетъ собою изложеніе „Введенія“ къ „Логикѣ чистаго познанія“. Тутъ, въ *двѣнадцати* параграфахъ обсуждаются послѣдовательно (въ соотвѣтствіи съ порядкомъ у Когена): „четыре значенія термина познаніе“, „исторія понятія чистаго познанія“, „отношеніе логики чистаго познанія къ критикѣ и метафизикѣ“, „проблема психологій“, „мышленіе науки“, „мышленіе науки и психологій“, „терминологія мышленія“, „логика возникновенія“, „объемъ логики“, „сужденіе категорій“, „сужденіе и мышленіе“, „роды сужденій и единство познанія“.

Глава *третья*—изложеніе перваго класса сужденій: сужденія законовъ мышленія“. Она содержитъ *три* параграфа: „сужденіе возникновенія“, „сужденіе тождества“, „сужденіе противорѣчія“ и „заключеніе“.

Глава *четвертая* — „изложеніе втораго класса сужденій: сужденія математики“. Тутъ—опять *три* параграфа: „сужденіе реальности“, „сужденіе множественности“, „сужденіе универсальности“.

Наконецъ, глава *пятая* посвящена „религіозной истинѣ“.

Наиболѣе удачными представляются въ разбираемомъ сочиненіи, кромѣ первой главы, „сборной“, параграфы о „сужденіи возникновенія“, „тождества“ и „противорѣчія“; живо написана и заключительная глава, хотя и не достаточно самостоятельно. Иные параграфы мѣстами невразумительны или, справедливѣе сказать, нѣкоторыя изъ таковыхъ параграфовъ не сумѣли разсѣять туманъ, присущій изложенію Когена.

Въ общемъ, суть критическихъ замѣчаній сводится къ указанію интуитивныхъ элементовъ въ системѣ самого Когена; быть можетъ, наиболѣе значительны соображенія г. Рубинскаго, связаннаго съ теоріей антиципацій и исходящая отсюда критика Когеновской теоріи времени. Показываетъ самостоятельность отношенія къ дѣлу и замѣчаніе его относительно „непрерывнаго“ („Continuum-problem“). Однако, входитъ въ подробности этихъ отдѣльныхъ замѣчаній—завело бы

насъ слишкомъ далеко. Постановка вопроса о догматѣ „ориентирована“, — если выразиться „марбургскимъ“ же терминомъ—, на фактъ мистической данности, которую г. Рубинскій позволяетъ себѣ дѣлать основою „ориентировки“ постѣ того, какъ обнаружилось, что и Когенъ не свободенъ отъ интуитивизма. Впрочемъ, рецензентъ долженъ оговориться, что эта „ориентировка“ дѣлается у г. Рубинскаго тоньше, чѣмъ говорится о ней здѣсь, но вкратцѣ трудно передать ходъ его аргументаціи. Можно, конечно, оставить открытымъ вопросъ, согласился ли бы съ нею истый марбуржецъ. Однако, поскольку г. Рубинскій сознаетъ, что онъ, быть можетъ, и не совсѣмъ удовлетворилъ бы правовѣрнаго когенианца, но имѣетъ право высказать *свое* мнѣніе, такъ какъ и Марбургскій кумиръ тоже не совсѣмъ удовлетворяетъ самого г. Рубинскаго,—постольку *пятая* глава является въ сочиненіи и законной и умѣстной.

Что касается до мелкихъ недочетовъ сочиненія, то укажемъ ихъ суммарно. Сюда относятся довольно многочисленныя описки переписчицы (Лангѣ, Ник. Кузинскій, мненія и т. д.), германизмы, составившіеся, вѣроятно, подъ вліяніемъ Когена („движутся *на* тѣхъ направленіяхъ“, „усматриваются“ вм. „можно усматривать“, и т. д.), кое гдѣ невѣрные переводы (*erschöpft*—создаетъ, *Lücke*—люкъ, *Bestimmbarkeit*—опредѣляемость и т. п.), кое-гдѣ непонятныя фразы. Можно упрекнуть г. Рубинскаго и въ томъ, что онъ не упрекаетъ Когена въ мѣстахъ, явно стоющихъ того, тѣмъ болѣе, что Когенъ допускаетъ эти погрѣшности едвали не сознательно, въ интересахъ системы; такъ, напримѣръ, Когенъ передаетъ Анаксимандровскій терминъ *ἄπειρον* чрезъ „бесконечное“, хотя трудно въ настоящее время оспаривать тезисъ, что *ἄπειρον* Анаксимандра означаетъ „туманъ“, „парь“,—въ родѣ того, какой клубится въ банѣ, когда „поддають“, и т. п. Иногда въ сужденіяхъ г. Рубинскаго чувствуется недостаточная освѣдомленность съ исторіей философіи. Такъ, напримѣръ, онъ ссылается на Г. Ланца, высказывающаго, якобы впервые, тотъ взглядъ, что пространство и время—такіе же виды сознанія, какъ и чувство и воля и что потому, де нельзя говорить о сознаніи, какъ о непротяженномъ во всѣхъ отношеніяхъ; а между тѣмъ, подобное возрѣніе—вовсе не новость, и въ яркой и опредѣленной формѣ оно было высказываемо уже *Ибервегомъ*. Вѣроятно встѣд-

ствіе недостаточнаго знакомства съ современною философіей математики г. Рубинскій не отмѣчаетъ у Когена преувеличенности того мѣста, которое онъ отводитъ понятію дифференціала и вообще инфинитезимальному исчисленію; и, кстати сказать, самъ г. Рубинскій пишетъ безразлично: dx , $d\alpha$ и даже $D\alpha$. Разсуждая о Когеновскомъ переводѣ слова *quantum*, онъ могъ бы воспользоваться терминомъ „*колика*“, предложеннымъ Н. И. Лобачевскимъ, и какъ разъ равносильнымъ Когеновскому „*wie grosse*“. Говоря о томъ, что основнымъ мотивомъ Когеновской главы о сужденіяхъ математики является понятіе величины („*коликаго*“), г. Рубинскому слѣдовало бы отмѣтить расхожденіе въ этомъ пунктѣ Когена съ современною философіей математики, въ хозяйствѣ которой „величина“ заняла третьестепенное мѣсто. Указывая на вліяніе новѣйшихъ математиковъ на Когена, г. Рубинскій не опредѣляетъ точнѣе, въ чемъ именно онъ усматриваетъ это вліяніе и кого, хотя бы приблизительно, онъ имѣетъ въ виду. Приводя аргументъ Когена противъ невозможности изучать законы мысли на основаніи законовъ языка („тогда въ грамматикѣ надо искать обоснованія науки, а это—явно невозможно“), рецензируемый авторъ покорно соглашается съ нимъ, хотя этотъ аргументъ, по меньшей мѣрѣ, требуетъ обсуждения и вовсе не является ни самоочевиднымъ, ни приводящимъ къ завѣдомой нелѣпости.

Если позволено будетъ рецензенту высказать *desideratum* г. Рубинскому при дальнѣйшей его работѣ, то это—пожеланіе ему того, чего онъ неоднократно самъ себѣ желаетъ и въ недостатокъ чего охотно сознается; а именно, во-первыхъ, изучить *всю* „Логіку“, а, во-вторыхъ, — силъ повыше подняться *надъ* Когеномъ, чтобы отчетливѣе встали предъ нимъ основные края Когеновской книги,—чтобы ярче были самыя *идеи* „Логіки“, не скрываемыя деталями и, нерѣдко, туманами аргументаціи. Полагаемъ, что только *тогда* вопросъ о догматахъ будетъ виденъ какъ основной вопросъ теоріи познанія и только тогда можно будетъ дать *полный* отвѣтъ на вопросъ о мѣстѣ догмата въ системѣ Когена.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе г. Рубинскаго вполне удовлетворительно“.

2) Ректора Академіи *Епископа Теодора*:

„Автору означеннаго сочиненія пришлось имѣть дѣло и

вращаться въ области метафизическихъ тонкостей и отвлеченныхъ понятій, почему требовалось особенное сосредоточеніе мысли и отчетливость какъ въ различеніи самыхъ терминовъ, съ которыми онъ встрѣчался, такъ и въ концепціи тѣхъ основныхъ положеній, съ которыми онъ встрѣтился при изученіи Когена. Насколько можно судить по содержанию самаго сочиненія, авторъ постарался строить свои выводы въ пониманіи основныхъ положеній Когена на основѣ серьезнаго ознакомленія съ тѣмъ, что написано о Когенѣ въ нашей русской и иностранной (переведенной на русскій языкъ) литературѣ. Поэтому у него замѣтна всегда обоснованность своихъ сужденій въ пониманіи Когена, при чемъ весь матеріалъ по данному вопросу, видимо продуманный весьма серьезно и не безъ самостоятельнаго критическаго отношенія ко всему, что входило въ планъ работы, изложенъ всегда въ краткихъ, опредѣленныхъ и точныхъ положеніяхъ. Эта краткость и ясность въ изложеніи мыслей Когена и чувствуемая подъ этой краткостью серьезная продуманность и серьезная работа, и составляетъ главное достоинство сочиненія г. Рубинскаго. Все сочиненіе у него состоитъ изъ 5 главъ, съ отдѣлами въ каждой изъ нихъ и вполне опредѣленнымъ и самостоятельнымъ предметомъ изложенія въ каждомъ отдѣлѣ. Поэтому сочиненіе читается легко, безъ утомленія и съ возможностью остановиться на каждой отдѣлѣ, какъ на цѣломъ, и продумать его. Глава 5 о религіозной истинѣ къ сожалѣнію кратка, хотя она и даетъ весьма опредѣленное понятіе основной точки зрѣнія, которую устанавливаетъ авторъ. Эта глава, по словамъ самого г. Рубинскаго, у него и менѣе самостоятельна, такъ какъ въ большинствѣ она изложена по лекціямъ проф. П. А. Флоренскаго, авторитету коего г. Рубинскій видимо всецѣло, и конечно не безъ основанія, довѣряетъ. Въ общемъ, повторяемъ, сочиненіе г. Рубинскаго производитъ пріятное впечатлѣніе и степени кандидата богословія авторъ этого сочиненія вполне достоинъ“.

Справка: 1) По § 110 лит. б. п. 10 устава духовныхъ академій „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣ-

тамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительные студенты Рождественскій Евгеній и Рубинскій Сергѣй имѣють баллъ выше 4^{1/2}.

Опредѣлили: 1) Дѣйствительныхъ студентовъ Академіи выпуска текущаго 1910 года *Рождественскаго Евгенія* и *Рубинскаго Сергѣя* удостоить степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ имъ права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—2) Постановление сіе представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VIII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что, согласно опредѣленію Совѣта отъ 1 сентября с/г., студентъ II курса Академіи Александръ *Хотовицкій* сдалъ устные испытанія по патристикѣ, исторіи философіи и психологіи, отложенныя ему по болѣзни, и получилъ удовлетворительныя отмѣтки.

Опредѣлили: Студента Александра Хотовицкаго перевести въ III курсъ и дать соотвѣтствующее его успѣхамъ и поведенію мѣсто въ разрядномъ спискѣ.

IX. Собственноручныя показанія студентовъ III, II и I курсовъ о желаніи ихъ избрать для спеціальнаго изученія въ теченіи академическаго курса предметы той или иной изъ шести, намѣченныхъ въ § 131 академическаго устава, группъ, а студентовъ I курса—также и о выборѣ ими для изученія одного изъ древнихъ и одного изъ новыхъ языковъ.

По снмъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

Предметы первой группы.

(*Гражданскую исторію общую и Гражданскую исторію русскую*):

III курса:

1. Свящ. Архангельскій Леонидъ.
Богоявленскій Сергѣй.
Введенскій Иванъ.
Свящ. Владимірскій Алексѣй.
5. Даниловскій Александръ.
Епифановичъ Григорій.

- Свящ. Ивановъ Александръ.
Изюмовъ Иванъ.
Свящ. Коноваловъ Юсифъ.
10. Курганскій Михаилъ.
Левкоевъ Николай.
Свящ. Лукьяновъ Михаилъ.
Любимовъ Ѳедоръ.
Максимовъ Александръ.
15. Марковъ Владиміръ.
Муратовъ Василій.
Никольскій Василій.
Новгородскій Павелъ.
Свящ. Овсянниковъ Григоріи
20. Писовъ Стефанъ.
Прилуцкій Сергѣй.
Прокоповичъ Борисъ.
Реутовъ Валентинъ.
Рязановскій Ѳедоръ.
25. Соловьевъ Иванъ.
Степановъ Андрей.
Телятьевъ Валеріанъ.
Тихомировъ Павелъ.
Уметскій Петръ.
Хотовицкій Александръ.
31. Яхонтовъ Дмитрій.

II курса:

1. Августовъ Дмитрій.
Введенскій Александръ.
Веселовъ Иванъ.
Виноградовъ Павелъ.
5. Глинскій Иванъ.
Годеновскій Василій.
Гражданскій Тихонъ.
Зедгенизевъ Василій.
Зыковъ Иванъ.
01. Кореневскій Анатолій.
Кряжимскій Александръ.
Курсинъ Анатолій.
Миловидовъ Иванъ.

- Миртовъ Владиміръ.
15. Олесевиць Сергѣй.
Полунинъ Михайлъ.
Рождественскій Сергѣй.
Свящ. Соколовъ Іоаннъ.
Свящ. Сокольскій Павелъ.
20. Сперанскій Василій.
Тихомировъ Александръ.
Шишковскій Алексѣй.
23. Ясневъ Петръ.

І курса:

Изъ языковъ:

1. Вознесенскій Александръ	Греч. Нѣм.
Залѣскій Сергѣй	Лат. Нѣм.
Пльинскій Николай	Лат. Нѣм.
Кузнецовъ Павелъ	Лат. Нѣм.
5. Наргачевскій Алексѣй	Лат. Фран.
Плотниковъ Александръ	Греч. Нѣм.
Поповъ Тихонъ	Лат. Нѣм.
Руберовскій Михайлъ	Лат. Нѣм.
Тихомировъ Константинъ	Греч. Нѣм.
10. Ярошевиць Евгеній	Греч. Нѣм.

Предметы второй группы.

(Библейскую археологію и Библейскую исторію):

III курса.

1. Свящ. Авдашкевиць Петръ.
Свящ. Андреевскій Александръ.
Свящ. Добровольскій Василій.
Ивановскій Семень.
5. Ремовъ Николай.

II курса:

1. Андреевъ Ѳедоръ.
Богдановиць Иванъ.
Свящ. Вышеславовъ Михаилъ.
Кочановъ Николай.
5. Лиснякъ Діонисій.
Свящ. Поляковъ Іоаннъ.

Семеновъ Андрей.
Троицкіи Анатолій.
9. Свящ. Черниковъ Николай.

	I курса:	Изъ языковъ:
1.	Богоявленскій Николай.	Греч. Нѣм.
	Бѣляевъ Николай.	Греч. Фран.
	Введенскій Пантелеимонъ.	Лат. Нѣм.
	Добровъ Георгій	Лат. Нѣм.
5.	Зыковъ Вячеславъ	Лат. Нѣм.
	Козыревъ Сергѣй	Греч. Нѣм.
	Гером. Іоаннь (Маргіевъ)	Греч. Нѣм.
	Садковскій Георгій	Греч. Нѣм.
	Скворцовъ Константинъ	Лат. Нѣм.
10.	Смоленскій Алексѣй	Греч. Нѣм.
	Соколовъ Михайль (Виѣ).	Лат. Нѣм.
12.	Соколовъ Михайль (Моск.)	Греч. Фран.

Предметы третьей группы.

(Исторію Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени и Исторію Славянскихъ церквей и Румынской);

II курса:

1. Виноградовъ Сергѣй.

	I курса:	Изъ языковъ:
1.	Лебедевъ Николай.	Греч. Нѣм.
	Подлущкій Иванъ	Греч. Нѣм.
3.	Цуймановъ Александръ.	Лат. Нѣм.

Предметы четвертой группы.

(Исторію и обличеніе западныхъ исповѣданій и русскаго сектантства и Исторію и обличеніе русскаго раскола старообрядчества);

III курса:

1. Свящ. Безсоновъ Николай.
Свящ. Ефремовъ Михайль.
Свящ. Ильинскій Михайль.

- Свящ. Люстрицкій Михаилъ.
5. Мигулинъ Александръ.
Свящ. Соколовъ Алексѣй.
Успенскій Александръ.
8. Чайкинъ Георгій.

II курса:

1. Аболенскій Александръ.
Никольскій Николай.
Свящ. Прозоровъ Николай.
Ремезовъ Александръ.
5. Романовъ Александръ.
Сидоренковъ Алексѣй.
Скворцовъ Сергѣй.
8. Свящ. Черновъ Іоаннъ.

I курса:

Изъ языковъ:

1. Авраменко Михаилъ	Греч. Англ.
Бѣляевъ Тихонъ	Лат. Нѣм.
Глаголевъ Николай	Лат. Нѣм.
Голобородько Михаилъ	Греч. Нѣм.
5. Дьяковъ Святославъ	Лат. Нѣм.
Ключаревъ Василій	Лат. Нѣм.
Крыловъ Дмитрій	Лат. Нѣм.
Левковскій Александръ	Лат. Нѣм.
Нечаевъ Тихонъ	Лат. Нѣм.
10. Пятикрестовскій Сергѣй	Лат. Нѣм.
Соболевъ Василій	Лат. Нѣм.
Устиновъ Павелъ	Греч. Нѣм.
13. Ярещенко Александръ	Лат. Фран.

Предметы пятой группы.

(Церковно-славянскій языкъ, съ палеографіей, и Исторію русско-й литературы):

III курса:

1. Алексѣевъ Павелъ.
Брянцевъ Леонидъ.
Вершинскій Николай.
Виноградовъ Михаилъ.
5. Голованенко Сергѣй.

- Градинскій Иванъ.
Ивановъ Константинъ.
Ильинскій Николаѣ.
Іеромон. Серафимъ (Іовановичъ), серб. урож.
10. Свящ. Лебедевъ Константинъ.
Мацкевичъ Іосифъ.
Свящ. Михальчукъ Евстаѣій.
Свящ. Надеждинъ Александръ.
Носовъ Константинъ.
15. Орловъ Василій
Перехвальскій Валентинъ.
Петропавловскій Василій.
Рудневъ Николаѣ.
Рязановскій Сергѣй.
20. Свящ. Смирновъ Порфирій.
Соболевъ Владиміръ.
Сперанскій Михаилъ.
Титовъ Алексѣй.
Троицкій Викторъ.
Успенскій Иванъ.
26. Чернышевъ Иванъ.

II курса:

1. Архангельскій Алексѣй.
Благовѣщенскій Викторинъ.
Бондаревъ Θεодотъ.
Веселовскій Александръ.
5. Ивановъ Петръ.
Іонинъ Александръ.
Канделаки Мелхиседекъ.
Лебедевъ Николаѣ.
Левкоевъ Владиміръ.
10. Мальгинъ Павелъ.
Соколовъ Николаѣ.
Часоводовъ Иванъ.
13. Шмелевъ Василій.

I курса:

	<i>Изъ языковъ:</i>
Василевскій Иванъ.	Лат. Нѣм.
Величкинъ Алексѣй.	Лат. Фран.
Виноградовъ Николаѣ.	Греч. Нѣм.

	Волковъ Борисъ	Греч. Нѣм.
5.	Ивановъ Александръ	Греч. Нѣм.
	Лебедевъ Александръ	Лат. Нѣм.
	Лилеевъ Константинъ	Греч. Фран.
	Лобановъ Василій	Лат. Фран.
	Мещерскій Константинъ	Греч. Нѣм.
10.	Михайловскій Григорій	Лат. Нѣм.
	Орловъ Василій	Лат. Фран.
	Постниковъ Сергѣй	Лат. Нѣм.
	Сергѣевскій Николаѣ	Лат. Нѣм.
	Синевъ Николаѣ	Лат. Нѣм.
15.	Струмѣнскій Михаилъ	Греч. Нѣм.
	Четыркинъ Иванъ	Греч. Англ.

Предметы шестой группы.

1. *Литургику и Церковную археологию, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства*);

III курса:

1. Сахаровъ Сергѣй.

II курса:

1. Бойковъ Николай.
2. Пылаевъ Владиміръ.

I курса:

Изъ языковъ:

1. Берниковъ Сергѣй Греч. Англ.
- Лобовъ Гавріиль Греч. Англ.
- Оглобинъ Аркадій Греч. Нѣм.
- Рудичъ Василій Лат. Фран.
5. Тихоміровъ Александръ Лат. Англ.

Опредѣлили: Утвердивъ распредѣленіе студентовъ по группамъ и классамъ древнихъ и новыхъ языковъ,—собственно-ручныя показанія ихъ хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

X. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 9 сентября за № 388: „1910 г. Сент. 10. Окончившаго

курсъ семинаріи Богородицкаго разрѣшается допустить къ слушанію академическихъ лекцій, а также и Глодовскаго“.

Справка: При упомянутомъ представленіи за № 388-мъ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи, согласно § 150 устава духовныхъ академій, представлена была на окончательное распоряженіе Его Высокопреосвященства переписка по прошеніямъ окончившаго курсъ Тамбовской духовной семинаріи *Владимира Богородицкаго* (на имя Его Высокопреосвященства) и окончившаго курсъ Холмской духовной семинаріи *Анакія Глодовскаго* (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи)—о допущеніи ихъ къ слушанію академическихъ лекцій.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ исполненію.

XI. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1910 г. Сент. 7. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи на заключеніе“—прошеніе на имя Его Высокопреосвященства бывшаго студента III курса Академіи *Николая Кронтовскаго*:

„По причинѣ болѣзни, продолжавшейся два года, я не могъ явиться въ Академію для продолженія своего образованія и просилъ Совѣтъ Академіи оставить меня еще на годъ на III курсѣ. Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 17 августа текущаго года за № 10964, ходатайство Совѣта Академіи объ оставленіи меня еще на годъ на III курсѣ отклонено. По своему особому расположенію и склонности къ духовному просвѣщенію я не желалъ бы оставлять духовную школу. Посему честь имѣю благопочтительнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство, не благоугодно ли будетъ допустить меня къ слушанію академическихъ лекцій III курса вольнослушателемъ, и тѣмъ дать мнѣ возможность осуществить мое всегдашнее желаніе—окончить въ Академіи высшее богословское образованіе, доведенное мною уже до половины“.

Справка: Устава духовныхъ академій 1910 года § 150: „По усмотрѣнію мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея, могутъ быть допущены къ слушанію академическихъ лекцій и посторон-

нія лица, извѣстныя ему своею благонадежностью. Эти лица не пользуются, однако, правомъ участвовать въ практическихъ занятіяхъ и репетиціяхъ студентовъ, подавать третнія сочиненія и представлять диссертации для полученія академическихъ ученыхъ степеней или званія и подвергаться переходнымъ и выпускнымъ испытаніямъ“.

Опредѣлили: Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что препятствій къ допущенію бывшаго студента III курса Академіи Николая Кронтовскаго къ слушанію академическихъ лекцій на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 150 академическаго устава, со стороны Совѣта Академіи не встрѣчается, такъ какъ Кронтовскій за время пребыванія въ Академіи ни въ чемъ предосудительномъ замѣчаемъ не былъ и вынужденъ былъ оставить оную исключительно вслѣдствіе своего болѣзненнаго состоянія.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Окт. 26. По ст. XI. Разрѣшается Н. Кронтовскаго допустить къ слушанію академическихъ лекцій на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 150-мъ Академическаго Устава. Прочее смотрѣно и утверждается“.

30 сентября 1910 года.

№ 15.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи -- и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыиъ, заслуженные ординарные профессора — А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій (сверхштатный); ординарные профессора — А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора — Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; ординарные профессора — А. П. Введенскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора — С. И. Соболевскій, П. П. Соколовъ, П. В. Поповъ, И. М. Громогласовъ, С. П. Смирновъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь Совѣтомъ было выслушано предложеніе *Просвященнаго Ректора* Академіи слѣдующаго содержанія:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи избрать **Ея Императорское Высочество. Великую Княгиню Елисавету Теодоровну** въ званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи во уваженіе къ высокому служенію Ея Императорскаго Высочества дѣлу христіанской любви и благотворительности и покровительству духовному просвѣщенію, особенно на миссіонерскомъ поприщѣ.

На означенное избраніе Ея Высочество изволила выразить Свое согласіе мнѣ лично“.

Единогласно избравъ и постановивъ почтительнѣйше просить Ея Императорское Высочество принять званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи, Совѣтъ Академіи имѣлъ счастье получить (по телеграфу) нижеслѣдующій милостивый отвѣтъ Ея Императорскаго Высочества:

„Искренне тронута вниманіемъ Духовной Академіи. Съ благодарностію принимаю столь почетное для Меня званіе, котораго надѣюсь быть достойной по молитвамъ избравшихъ Меня. Къ сожалѣнію не могу быть съ Вами завтра въ виду нашего обительскаго Праздника. Да покроетъ Пресвятая Владычица Своимъ омофоромъ всѣхъ трудящихся во славу нашей Православной Церкви“.

ЕЛИСАВЕТА.

Опредѣлили: 1) Изготовивъ установленный дипломъ на званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи, поднести оный Ея Императорскому Высочеству.—2) Просить Его Высокопреосвященство довести о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Окт. 26. Объ избраніи Ея Высочества Великой Княгини Елисаветы Теодоровны Почетнымъ Членомъ Академіи вынѣ же доношу Св. Синоду“.

30 сентября 1910 года.

№ 16.

Присутствовали. подъ предѣлательствомъ Ректора Академіи Теодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и Н. А

Заозерскій (сверхштатный); ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ и М. М. Таръевъ; экстраординарные профессора—Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. И. Введенскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессора—С. П. Соболевскій, П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, И. М. Громогласовъ, С. П. Смирновъ и М. М. Богословскій.

Слушали: I. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора Академіи:*

„По случаю имѣющаго быть 1-го октября сего года торжественнаго акта въ Академіи честь имѣю предложить Совѣту войти въ разсужденіе объ избраніи лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами предъ Св. Церковью и учеными трудами,—въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“.

Справка: 1) По § 10 устава духовныхъ академіи—„Академіи имѣютъ право избирать достойныхъ лицъ въ званіе своихъ почетныхъ членовъ на основаніи сего устава“.— 2) по § 110 лит. в п. 1 того же устава „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Св. Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи въ званіи почетнаго члена Академіи—*Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана*, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго,—во уваженіе къ его многополезной миссіонерской дѣятельности и высоко-плодотворнымъ Архипастырскимъ трудамъ.

II. Письма Г. Потомственнаго Почетнаго Гражданина Николая Васильевича *Базрушима:*

а) *Отъ 22 сентября с. г.:* „Въ отвѣтъ на отношеніе Ваше за № 408 отъ 17 с. м. и на письмо Его Преосвященства Ректора Академіи Епископа Θεодора отъ 4 с. м. за № 432 имѣю честь сообщить Вамъ, что сумма, потребная для пополненія завѣщаннаго покойнымъ отцомъ моимъ Почетнымъ Гражданиномъ Города Москвы Василіемъ Алексѣевичемъ

Бахрушинымъ на стипендіи при Академіи капитала до размѣра, необходимаго для немедленнаго открытія второй стипендіи, составляющая, согласно разчета Вашего, три тысячи девятьсотъ тридцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ (3937 р. 50 к.) въ облигаціяхъ 5% Государственнаго займа 1906 года— можетъ быть получена Вами начиная съ понедѣльника 27 с. м. въ любой день въ амбарѣ Товарищества на Варваркѣ между 11—3 часами дня. При чемъ было бы желательно, чтобы Вы письменно предупредили кассира Товарищества Петра Михайловича Волкова въ какой именно день и часъ придетъ уполномоченное отъ Васъ лицо снабженное надлежащими удостовѣреніями.

Затѣмъ, позволяю себѣ къ заявленнымъ мною на двѣ стипендіи имени покойнаго отца моего Василія Алексѣевича Бахрушина четыремъ кандидатамъ студентамъ Московской Духовной Академіи [1) Студентъ перваго курса—Сергій Постниковъ, 2) Студентъ перваго курса Андрей Семеновъ, 3) Студентъ третьяго курса Стефанъ Писовъ, 4) Студентъ четвертаго курса Иванъ Вавресюкъ)—присовокупить имена еще двухъ студентовъ: третьяго курса Академіи 1) Студентъ Михаилъ Виноградовъ и 2) Студентъ Сергій Сахаровъ. Первый изъ нихъ предложенъ мнѣ Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи Епископомъ Θεодоромъ, второй прислалъ письмо. Выборъ стипендіатовъ изъ числа означенныхъ шести кандидатовъ предоставляю Совѣту Академіи, обращая его вниманіе на то, что только два первыхъ кандидата на основаніи § 3 Положенія о стипендіи вполнѣ отвѣчаютъ условіямъ пріема“.

б) *Отъ 25 сентября с. г.:* „Въ виду неполученія мною извѣщенія о предоставленіи кому либо имѣющихъ при Московской Духовной Академіи двухъ стипендій имени покойнаго отца моего Почетнаго Гражданина города Москвы Василія Алексѣевича Бахрушина и въ предположеніи, что означенныя стипендіи еще не назначены, я позволяю себѣ представить на нихъ седьмого кандидата—студента перваго курса Академіи Александра Лебедева“.

Справка: О назначенномъ г. Потомственнымъ Почетнымъ Гражданиномъ Н. В. Бахрушинымъ срокъ и мѣстѣ получения жертвуемыхъ имъ облигацій Россійскаго Государствен-

наго 5⁰/₁₀₀ займа 1906 года на номинальную сумму 3937 р. 50 к. сообщено Правленію Академіи, а о вновь поименованныхъ имъ кандидатахъ на стипендіи имени почившаго отца его—В. А. Бахрушина—коммисіи по распредѣленію между студентами Академіи на 1910—1911 учебный годъ частныхъ стипендій.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Представленный, согласно порученію Совѣта Академіи отъ 15 сентября с. г., коммисією (въ составѣ: *Преосвященнаго Ректора* Академіи, Инспектора—проф. *А. П. Шостыкина* и экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*) проектъ распредѣленія на 1910—1911 учебный годъ между студентами Академіи *частныхъ стипендій*.

Справка: По § 110 лит. б. п. 7 устава духовныхъ академій „распредѣленіе между студентами синодальныхъ и частныхъ стипендій“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утверженіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ проектомъ коммисіи, назначить на 1910—1911 учебный годъ частныя стипендіи—Имени:

Пот. пот. гражданина В. И. Θεолога въ 520 р.—студенту IV курса *іеромонаху Пантелеимону (Успенскому)*;

Профессора А. П. Лебедева въ 400 р.—студенту IV курса *Алексыю Сперанскому*;

Протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 300 р.—студенту II курса *Михаилу Полушкину*;

Ст. Совѣтника А. Е. Косташъ въ 300 р.—студенту IV курса *іакому Іоанну Смирнову*;

Поч. Гражданина г. Москвы В. А. Бахрушина въ 300 р.—1-ю—студенту I курса *Александрю Лебедеву*;

Поч. Гражданина г. Москвы В. А. Бахрушина въ 300 р.—2-ю—студенту I курса *Сергью Постникову*;

П. А. Мухановой въ 300 р. 1-ю—студенту IV курса *Владиміру Давидовичу*;

П. А. Мухановой въ 300 р.—2-ю—студенту III курса *Валентиню Реутову*;

П. А. Мухановой въ 300 р.—3-ю—студенту III курса *Сергію Богоявленскому*;

Высокопреосвященнаго Архієпископа Агаѳодора въ 285 р.—1-ю—студенту III курса *священнику Алексѣю Соколову*;

Высокопреосвященнаго Архієпископа Агаѳодора въ 285 р.—2-ю—студенту II курса *священнику Михаилу Выше-славову*;

А. И. Хлудова въ 265 р.—1-ю—студенту IV курса *священнику Александру Никольскому*;

А. И. Хлудова въ 265 р.—2-ю—студенту IV курса *священнику Василию Борисову*;

Высокопреосвященнаго Митрополита Сергія въ 232 р.—студенту III курса *Михаилу Ильинскому*;

Протоіерея А. В. Горскаго въ 232 р.—студенту III курса *священнику Михаилу Люстрицкому*;

Высокопреосвященнаго Архієпископа Агаѳодора въ 228 р.—студенту IV курса *іеромонаху Николаю (Могилевскому)*;

Святителя Арсенія, Епископа Тверскаго, въ 220 р.—студенту III курса *Константину Носову*;

Высокопреосвященнаго Митрополита Іоанникія въ 220 р.—студенту IV курса *священнику Петру Невскому*;

Высокопреосвященнаго Архієпископа Макарія въ 220 р.—студенту IV курса *Ивану Меліоранскому*;

Архим. Павла и проф. Н. И. Субботина въ 220 р.—студенту III курса *священнику Леониду Архангельскому*;

Протопресвитера А. С. Ильинскаго въ 220 р.—1-ю—студенту I курса *Ивану Веселову*;

Протопресвитера А. С. Ильинскаго въ 220 р.—2-ю—студенту II курса *Алексѣю Шишковскому*;

Протоіерея В. Н. Амфитеатрова въ 220 р.—студенту IV курса *священнику Сергію Орлову*;

Свящ. М. С. и П. А. Пятикрестовскихъ и Ст. Сов. Ѳ. П. и М. А. Покровскихъ въ 220 р.—студенту I курса *Сергію Пятикрестовскому*;

Діакона С. Ѳ. Каптерева въ 220 р.—студенту II курса *Виктору Благовѣщескому*;

Проф. В. Д. Кудрявцева-Платонова въ 220 р.—студенту III курса *Андрею Степанову*;

Академическую въ 210 р. 1-ю—студенту IV курса *Михаилу Семенову*;

Академическую въ 210 р. 2-ю—студенту III курса *Николаю Рудневу*;

Момоносовскаго Комитета въ 202 р.—студенту IV курса *Андрею Парю*;

В. М. Ундольскаго въ 200 р.—студенту III курса *Николаю Левкову*;

Прот. I. В. Рождественскаго въ 194 р. 1-ю—студенту IV курса *Александрю Покровскому*;

Прот. I. В. Рождественскаго въ 194 р. 2-ю—студенту III курса *Михаилу Виноградову*;

Преосвященнаго Епископа Никодима въ 192 р.—студенту IV курса *священнику Валентину Смородину*;

Юбилейную въ 181 р.—студенту III курса *Василію Петровлавловскому*;

Прот. Θ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына въ 173 р.—студенту IV курса *Андрею Шуму*;

Ю. Θ. Самарина въ 173 р.—студенту IV курса *Андрею Гиляревскому*;

Прот. А. В. Горскаго въ 170 р.—студенту II курса *Владимиру Пылаеву*;

Неизвѣстнаго лица (чрезъ Архіеп. Алексія) въ 170 р.—студенту II курса *Андрею Семенову*;

Проф. Н. П. Соколова въ 165 р. 1-ю—студенту III курса *Валентину Перехвальскому*;

Проф. Н. П. Соколова въ 165 р. 2-ю—студенту III курса *Ивану Чернышеву*;

Проф. Н. П. Соколова въ 165 р. 3-ю—студенту II курса *Владимиру Левкову*;

Неизвѣстнаго лица (чрезъ Еписк. Христофора) въ 160 р.—студенту II курса *Василію Сперинскому*;

Прот. А. И. Невоструева въ 142 р.—студенту III курса *Ивану Соловьеву*;

М. А. Хлудова въ 118 р.—1-ю—студенту IV курса *Александрю Венустову*;

М. А. Хлудова въ 118 р. 2-ю—студенту IV курса *Максимліану Труфанову*;

М. А. Хлудова въ 118 р. 3-ю—студенту II курса *Діонисію Лисняку*;

Московской каѳедры въ 110 р. 1-ю—студенту IV' курса *Сергію Житникову*;

Московской каѳедры въ 110 р. 2-ю—студенту IV' курса *Владиміру Дубчуку*;

Московской каѳедры въ 110 р. 3-ю— студенту III курса *Алексію Титову*;

Московской каѳедры въ 110 р. 4-ю—студенту III курса *Константину Иванову*;

Московской каѳедры въ 110 р. 5-ю—студенту II курса *Владиміру Миртову*;

Московской каѳедры въ 110 р. 6-ю—студенту II курса *Анатолію Кореневскому*;

Г. И. Хлудова въ 80 р. 1-ю—студенту III курса *Сергію Сахарову*;

Г. И. Хлудова въ 80 р. 2-ю—студенту II курса *Теодоту Бондареву*;

Г. И. Хлудова въ 80 р. 3-ю—студенту I курса *Константину Лилееву*;

Г. И. Хлудова въ 80 р. 4-ю—студенту I курса *Василію Соболеву*; и

Г. И. Хлудова въ 80 р. 5-ю—студенту I курса *Константину Тихомирову*.—

2) Назначеніе двухъ стипендій имени *И. С. Аксакова* для студентовъ изъ южныхъ славянъ, за отсутствіемъ таковыхъ въ Академіи, отложить до слѣдующаго года.—3) Постановленія сіи представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.—4) Г. Потомственному Почетному Гражданину *Н. В. Бахрушину* сообщить имена и фамиліи студентовъ I курса Академіи, которымъ предоставлены стипендіи имени почившаго отца его—*В. А. Бахрушина*.

IV. **Разсуждали:** о выдачѣ студентамъ IV, III и II курсовъ, за отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе въ минувшемъ 1909—1910 учебномъ году, *денежныхъ наградъ* изъ процентовъ съ пожертвованныхъ на сей предметъ капиталовъ.

Справка: 1) По смѣтѣ доходовъ и расходовъ на содержаніе Московской Духовной Академіи въ 1910-мъ году ассигновано, между прочимъ, на награды студентамъ изъ про-

центовъ съ благотворительныхъ капиталовъ—165 рублей.—
2) По § 110 лит. б. п. 12 устава духовныхъ академій—„присужденіе студентамъ премій за сочиненія и другихъ наградъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утверженіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Денежныя награды за отлично-хорошіе успѣхи и поведеніе въ минувшемъ 1909—1910 учебномъ году назначить слѣдующимъ студентамъ: IV курса: *іеромонаху Пантелеимону (Успенскому)*—20 рублей, *Сперанскому* Алексѣю—15 рублей, *діакону Смирнову* Іоанну и *священнику Виноградову* Николаю—по 10 рублей каждому; III курса: *Ремову* Николаю—20 рублей, *Голованенко* Сергѣю—15 рублей, *Мигулину* Александру и *Муратову* Василию—по 10 рублей каждому; II курса: *Андрееву* Ѳеодору—20 рублей, *Никольскому* Николаю—15 рублей, *Архангельскому* Алексѣю и *Ремезову* Александру—по 10 рублей каждому, а всего—165 рублей.—
2) Постановленіе сіе представить предварительно на Архiepастырское утверженіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Окт. 26. По ст. I. Ходатайствовать. Прочее утверждается“.

1 октября 1910 года.

№ 17.

Присутствовали: Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій; Ректоръ Академіи Ѳеодоръ, Епископъ Волоколамскій; Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ; заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и Н. А. Заозерскій (сверхштатный); ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—С. И. Соболевскій, С. П. Смирновъ, Д. И. Введенскій и А. П. Орловъ.

Отсутствовали: заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, П. В. Поповъ, П. М. Громогласовъ и М. М. Богословскій.

Въ собраніи семь, въ день воспоминанія объ основаніи Московской Духовной Академіи, происходилъ, на основаніи § 122 устава духовныхъ академій, торжественный актъ въ слѣдующемъ порядкѣ: экстраординарнымъ профессоромъ Академіи по кафедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскимъ* произнесена была составленная имъ, по порученію Совѣта, рѣчь на тему: „Отношеніе классической филологіи къ богословію“, Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи провозглашены были имена лицъ, вновь избранныхъ Совѣтомъ въ званіе Почетныхъ Членовъ Академіи, и прочитанъ былъ секретаремъ Совѣта отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1909—1910 учебномъ году.

Опредѣлили: Почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1909—1910 году, по напечатаніи онаго, представить, согласно § 121 академическаго устава, на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1910 г. Нояб. 4. Представить—и нынѣ же представляется—отчетъ по назначенію“.

6-го октября 1910 года.

№ 18.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Феодора, Епископа Волоколамскаго, — всѣ члены Совѣта Академіи.

Имѣли сужденіе о замѣщеніи вакантной въ Академіи кафедры *Исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени*, при чемъ были выслушаны:

а) Прошеніе бывшаго исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ древней гражданской исторіи (нынѣ состоящаго за штатомъ), кандидата богословія, *Ө. М. Россейкина*:

„Въ виду закрытія по новому академическому уставу кафедры по древней гражданской исторіи и на основаніи указа

Святѣйшаго Синода за № 10299 (лит. Б., 3), имѣю честь заявить Совѣту Московской Духовной Академіи о своемъ желаніи занять каѳедру *исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени*. Выборъ названнаго предмета для меня опредѣляется во 1-хъ, общимъ научнымъ интересомъ, привлекающимъ меня къ этой области историческаго знанія; во 2-хъ, моей работой надъ темой по исторіи византійской церкви IX в., и въ 3-хъ, тѣмъ, что указанный предметъ не стоитъ внѣ связи съ преподававшимся мною ранѣе. Въвиду изложеннаго, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи перемѣстить меня на указанную каѳедру и ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о моемъ утвержденіи“.

б) Предложеніе ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ исторіи древней церкви А. А. Спасскаго:

„Въ виду предстоящихъ разсужденій по вопросу о замѣщеніи свободныхъ преподавательскихъ каѳедръ въ Академіи долгомъ своимъ считаю обратить вниманіе Совѣта на Ѳ. М. Россейкина, какъ на кандидата, наиболѣе подходящаго для замѣщенія каѳедры по исторіи Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени. Состоя съ 1906 года исправляющимъ должность доцента по предмету древней гражданской исторіи, г. Россейкинъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ историческимъ методомъ изслѣдованія и приобрѣсти привычку къ занятіямъ въ этой области, а потому и новая тоже историческая наука явится для него сродной областью, для изученія которой онъ обладаетъ всѣми методологическими приѣмами. Ближайшимъ подтвержденіемъ сейчасть сказаннаго можетъ служить начавшееся печататься въ академическомъ журналѣ его изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Первое правленіе Фотія, патріарха Константинопольскаго“ вышедшее пока въ количествѣ 12 печатныхъ листовъ и имѣющее, безъ всякаго сомнѣнія, составить собой диссертацию на степень магистра богословія. Авторъ началъ свою работу еще въ тѣ дни, когда въ академіяхъ только мечтали объ исторіи Греко-восточной церкви по отдѣленіи ея отъ западной: теперъ эта мечта осуществилась, и подобрать

лучшаго кандидата на эту кафедру, кромѣ г. Россейкина, было бы трудно. Имя Фотія именно и открываетъ собой тотъ знаменитый въ исторіи вселенской церкви періодъ, который и именуется эпохой раздѣленія церквей, и послѣдствія котораго сказались во всей послѣдующей исторіи христіанскихъ народовъ Европы и живо чувствуется еще доселѣ. Правленіе и вся дѣятельность Фотія и представляетъ собою начальный и вмѣстѣ съ тѣмъ критическій моментъ въ сферѣ тѣхъ взаимныхъ споровъ, препирательствъ и соперничества между восточной и западной церквями, какія давно подготовлялись предшествующей исторіей и которыя во всей яркости выразились въ фактахъ и событіяхъ, составившихъ собой содержаніе жизни Фотія. Правда, окончательнаго раздѣленія церквей при немъ не произошло, но ихъ взаимная противоположность по идеаламъ и внутренняя невозможность прійти къ взаимному соглашенію и миру, въ періодъ Фотія, такъ опредѣленно и точно раскрылась, что съ уходомъ его съ историческаго поля дѣятельности осталась лишь одна слабая нить какой-то кажущейся связи, порвать которую уже было легко.

Въ изученіе этого кардинальнаго факта въ исторіи раздѣленія церквей и вводитъ насъ изслѣдованіе г. Россейкина. Насколько можно судить по появившимся въ печати листамъ, оно обѣщаетъ быть самымъ полнымъ и всеобхватывающимъ обзоромъ жизни Фотія со всѣми сопровождавшими ее крупными событіями въ области политической и церковной исторіи его времени. По начальнымъ пріемамъ автора уже видно, что онъ намѣренъ войти въ самое внимательное разсмотрѣніе всѣхъ деталей и таинственныхъ нитей, связанныхъ съ событіями, группирующимися около этой самой центральной фигуры своего времени, прослѣдить до самыхъ корней всѣ извѣстія, слухи и сплетни, соединявшіяся съ его именемъ. Непосредственное знакомство съ источниками и съ существующей ученой литературой объ эпохѣ Фотія, и даже съ случайными замѣтками дѣлаютъ его полнымъ хозяиномъ обсуждаемыхъ имъ вопросовъ, и уже въ тѣхъ немногихъ страницахъ, какія вышли въ печати, онъ свое окончательное сужденіе высказываетъ не прежде, какъ, обосновавъ его на источникахъ и провѣривъ на нихъ существующіе въ литературѣ взгляды. По всѣмъ пунктамъ идетъ